

Незабываемое

Незабываемое

**Воспоминания в стихах и прозе
бывших несовершеннолетних узников
фашизма, проживающих в Луге и
Лужском районе**

**г. Луга
2009 г.**

Эта книга выпущена по инициативе Лужского Совета общества бывших малолетних узников фашизма.

Совет БМУФ благодарит за материальную помощь в создании книги:

депутата Законодательного Собрания Ленинградской области **Виктора Ануфриевича Санца**;

главу Лужского муниципального района **Валерия Федоровича Васильева**;

главу администрации Лужского муниципального района **Сергея Николаевича Тимофеева**.

Депутатов Лужского муниципального района:

Олега Сергеевича Кирилловых,

Александра Александровича Михайлова,

Валерия Владимировича Алексева,

Юрия Станиславовича Хиля,

Бориса Павловича Новика.

Составители, редакторы: Л.Л. Сосницкая
В.Н. Мнацаканова
М.А. Пухова

Своей книгой мы в полный голос заявляем протест против новых Освенцимов, Бухенвальдов, Саласпилсов и других мест принудительного содержания людей, новых рвов и жерновов смерти. Пусть эта книга, как малая искорка, вольется в вечный огонь нашей памяти, раскроет тайны тех трудных лет и пополнит историю родного края, а также поможет грядущим поколениям понять масштабы наших потерь, жертв, трагедий, обид и горя.

Уважаемый читатель!

Любая война – это горе. Перед Вами воспоминания в прозе и стихах бывших малолетних узников фашизма в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

18 миллионов человек из европейских стран, включая СССР, прошли через фашистские застенки, из них 11 миллионов погибли. Среди погибших и советские дети. Домой вернулся один из десяти ребят. На поколение бывших узников выпал тяжелый крест пережить то, чего, казалось, быть не могло и что разумом не понять. Месяцы и годы их детства прошли на нарах в бараках, в сараях на чужой земле в неволе, за колючей проволокой концлагерей. Особой жестокостью отличались такие концлагеря, как Освенцим, Дахау, Бухенвальд, Майданек, Заксенхаузен, Саласпилс, Озаричи и другие, созданные третьим рейхом места принудительного содержания.

Так, в Саласпилсе были детские бараки. Дети, особенно грудные, умирали там от холода и болезней в таком количестве, что команда, специально созданная, не успевала выносить трупики из лагеря, зарывала их прямо за проволокой. У детей в лагере брали кровь для немецких госпиталей. Ослабевших умертвляли, вводя различные яды – синильную кислоту, мышьяк и другие.

Совершали над детьми различные опыты. Дети – подростки должны были работать наравне со взрослыми. Ели баланду из капусты, из брюквы, где плавали часто тараканы и черви.

Жизнь на передовой фронта, оккупация, лагерь – таковы этапы узничества. Кто из детей военной поры пережил больше? И может ли быть больше?

Летят годы. С каждым месяцем все меньше свидетелей мучений и страхов, выпавших в годы войны на детские головы узников – мучеников. Но о том, что произошло с ними, должны помнить потомки, чтобы никогда это не повторилось с будущими поколениями. Никогда!

Авторы этой книги сами прошли путь фашистской неволи и, делаясь с Вами, читателями, своими воспоминаниями, хотят, чтобы Вы об этом знали.

*Прошлое не должно повториться,
Но когда люди забывают о войне,
Она приходит вновь.*

Л. Пастер

О Великой Отечественной войне 1941-1945 годов написаны тысячи книг, статей и воспоминаний. И все же осталась неизученной судьба детей в блокадном Ленинграде. Многие события далеких тех времен я освещал в газете "Лужская правда". Но чтобы это знали и помнили дети, внуки наши, ветераны пытаются оставить после себя память в виде воспоминаний о пережитом. Работая председателем Лужского Совета ветеранов, знаком с условиями ныне живущих очевидцев страшных лет войны. У каждого ветерана есть что вспомнить о жизни на оккупированной территории Ленинградской области. Это было трагическое и героическое время. Но одно общее - это ужасы голода, холода, бомбежек, артиллерийских обстрелов... То, что пришлось пережить детям на оккупированной Лужской земле, знают только те, кто остался жив и ныне здравствует.

Знаю, что самыми тяжелыми были дни и ночи 1943 года, когда гитлеровские захватчики вынуждены были уходить с Ленинградской земли. В это время начался поголовный угон мирного населения на запад. Людей целыми деревнями загоняли в телячьи вагоны, наглухо запирали на все засовы и увозили в неизвестность. Мне суждено было видеть такие эшелоны и принимать участие в освобождении людей на территории Украины, где я воевал зимой 1943 года. А сколько таких эшелонов ушло на запад... Людей ждала беспросветная лагерная жизнь, изнурительный труд за кусочек хлеба и миску баланды да плетки надсмотрщиков.

Хотя все знали, что война близится к концу, но никто из них, угнанных за тридевять земель от родного дома, не знал, удастся ли дожить до Победы и вернуться домой.

И, конечно, обидно за то, что выжившие в фашисткой неволе люди долгие послевоенные годы были изгоями в своем Отечестве и предпочитали молчать о пережитом. И вот теперь, на закате своего земного пути, они рассказывают, какова была на самом деле та ужасная война и какие муки им пришлось пережить в концлагерях. Война научила их распознавать в людях истинное добро и зло, и своими глубокими воспоминаниями они делятся с нами.

Вечная слава тем, кто еще жив и вечная память и слава тем, кого уже нет с нами!

Михаил Полячков,
председатель Лужского
Совета ветеранов.

Е. В. Александров

Евгений Викторович родился в 1938 году в городе Луга. В 1957 году окончил среднюю школу. В 1964 году закончил филологический факультет Новгородского педагогического института. По специальности не работал. Много путешествовал, трудился на стройке, в типографии, на ДОЗе. И где бы ни работал, всегда занимался творчеством. Трижды участвовал в конференции молодых писателей северо-запада, печатался в журналах, в альманахе “День поэзии”, издал пять поэтических сборников.

В конце 1960 года по просьбе администрации города он пишет слова для мемориала в городе Луга.

**Вы участи легкой себе не искали,
вы смертными были – бессмертными стали.**

Для увековечения памяти солдата в Зеленом бору – он пишет:

**Здесь он лежит – безвестный сын народа,
петлицы лишь, да красная звезда,
да крыша голубого небосвода,
да Родины свобода навсегда.**

Во время Великой Отечественной войны ребенком был угнан в Германию, в концлагерь. Е. В. Александрова нет уже с нами, но остались его стихи и воспоминания о той ужасной поре.

И были слезы, слезы...

Отец сидел в подвале эстонской полиции за связь с партизанами. За неделю до освобождения Луги его отпустили. Ничего не доказали, несмотря на избиения, обыски. Отец сразу же собрал нас, кое-какие вещи и отвел на окраину города, в землянку, откуда было два шага до леса. Но ночью немцы оцепили всю окраину и стали беспощадно выгонять всех и под конвоем, с собаками стали уводить в сторону вокзала. Пять минут дали на сборы. Все, что имели, бросили, лишь бы успеть выскочить. А на улице шел сильный снег, дул пронизывающий до самых костей ветер. Везде бегали служебные собаки. То там, то тут слышалась стрельба, крики, стоны, мольбы, собачий лай. Кто пытался убедить немцев, что не может двигаться, был сразу же убит. По глубокому снегу скользили санки, везли детские коляски, кто-то на тележках пытался транспортировать больных. Колонна текла по Лужскому проспекту от самой Штолевой мельницы. Люди были безутешны, рыдали. Я тоже беспрерывно плакал. Спасения было ждать неоткуда.

Никогда не забыть мне горечи моих слез. Я проплакал всю дорогу. Море слез пролил. Видимо, очень сильно не хотелось погибать, а ощущение опасности было чересчур очевидным. Когда мы добрались до места - сказать сложно. Сортировка по вагонам, томительные ожидания. Все понимали, на каком крутом краю пропасти находятся: кругом смерть. От горького и нескончаемого плача я забылся в тяжелом сне, всхлипывая. Проснулся тогда, когда поезд стоял, а кругом белели снега. Где-то далеко через реку перебирались люди на лыжах. Потом состав снова двинулся в путь. Я лежал на нарах и слушал перестук колес на стыках рельс. Почти месяц таскали нас по всем железным дорогам Европы, порою под бомбами, а уж пожаров вокруг

хватало. Наконец мы увидели вдали Альпы, покрытые белым снегом. Поезд двигался медленно, а вокруг на насыпях лежали перевернутые вагоны, боевая техника, трупы, вещи, оружие. Нас привезли в Германию, в Штутгарт. После ледяного душа был медицинский осмотр, сортировка семей, душераздирающий плач разлучаемых с матерями детей. Мы, слава Богу, были оставлены с родителями. Сразу же, чуть не в первую ночь, концлагерь разбомбили. Распределили узников кого куда. Отца оставили восстанавливать стены концлагеря. За отказ идти работать на военный завод он был жестоко избит и вскоре умер. Его смерть потрясла меня. Я тяжело заболел. Не мог ходить, мать носила меня на руках. Четыре раза в ночь союзники вели бомбежки, и каждый раз под рев сирен мы обязаны были бежать в укрытие - тонкостенный бункер из цемента.

А какой запах струился от лагерной баланды... Тех, кто нашел в себе мужество преодолеть отвращение, наверно, можно причислить к рангу святых мучеников. А еще всем давали черный кофе – дегтярную смесь неизвестного происхождения. Немцы, отступая, взорвали железнодорожный мост, охраны не было, узники концлагеря побежали к разбитому мосту. Побежала и моя мать, она принесла ведро патоки из цистерны на товарной станции. Какое это было лакомство!

И я среди них... Среди осинок,
Среди бурьяна, лебеды...
И кровь моя донныне стынет
От страшной памяти беды.

Помню то, что видели глаза

И какой философ из ребенка?..
Помню то, что видели глаза:
Смерть людей косила под гребенку, –
До сих пор опомниться нельзя.

До сих пор преследуют кошмары,
Снятся мне чудовищные сны...
Все бомбежки помню, все пожары...
На душе - проклятый след войны!..

Воспоминанье

Через годы смутно вспоминаю
Горе, что хлебнул я на войне.
На коптилке кружка жестяная,
Воду мать подогревает мне.

Нас везли неделю за неделей
В поезде товарном, далеко.
И враги безжалостно глядели,
Словно, в самом деле, мы - никто.

Как они хотели нас унижить
И совсем стереть с лица земли!
Но своею мы дышали жизнью
И дышать иначе не могли.

Штутгарт

Город Штутгарт – центр культуры,
Проволочной диктатуры
И клопиной демократии...
След оставили в характере:
Злые крики полицаая,
Свист нагайки, лай собак...
Жизни свет сошел с лица, и...
Жизнь давалась не за так!..
Не забылись в сердце ужасы,
Но присутствовало мужество,
Хоть в молитве про себя, -
Вот и вся моя судьба.

Не забыт оскал фашизма

Что там было?.. Православие?..
Или сам Иисус Христос?..
Там архивов не оставили,
Где пролили море слез...

Как молилось?.. Что шептали?..
И на шее был ли крест?..
От фугасок мир шатался,
Траурный гремел оркестр.

...Красной краской несмываемой
Обозначен неменяемый,
Тот, кто помнит свой барак,
Не забыл баланды запах,
Чудом не считает Запад,
Помнит злобный лай собак.

Не забыл оскал фашизма,
Издательство над жизнью,
Надругательство над ней,
Не забыл до наших дней...
Не забыл фашизма облик
И не отрицает подвиг,
Сорок пятый помнит год...
Верит в славу и в народ!..

Крестиком помеченный

Крестиком на лбу помеченный,
Извините, мол, помешанный
На трагедии своей,
Что от времени сильней...
Сам не рад, что раб недуга,
Что явился он оттуда,
Где осталось много душ...
Где была отнюдь не глушь.

Мать меня в рубашке родила

Почерк биографии изломан.
Для анкет судьбина не годна.
Прокатилась танками война,
Расшвыряла жизнь по эшелонам.

Зарывали фрицы торопливо,
Норовя с лица земли стереть...
Под свинцовым смертоносным ливнем
Радугу сумел я рассмотреть.

Пропустила сквозь свои ворота,
Силою своею надела.
Убежден теперь бесповоротно:
Мать меня в рубашке родила!..

Всюду кованый сапог

Шли, как будто бы поганки,
Оккупанты по земле.
Проползали вражьи танки,
Мне казалось, что – по мне...

Было некуда приткнуться –
Всюду кованый сапог...
Повезло домой вернуться,
Будто вправду – Бог помог.

Одному... из миллионов,
Не вернувшихся назад.
...Жизнь досталась тяжело мне:
Гибли люди на глазах.

Вера

Иному даются стихи про войну.
Строчит он почти безо всяких усилий...
А я был ребенком у немцев в плену,
Насильственно вывезен был из России.

В товарных вагонах, на лютном ветру,
Испытывал враг мое к Родине чувство...
За тысячи верст сердце к ней поверну-
И в сердце вовеки не будет пусто.

Меня не оставит великая сила.
Не чудо спасло!.. Обескровлен и худ,
Дышал я единственным словом: - Россия!..-
И верил, как в Бога, что наши придут.

Выжили

Я не из тех, кто и слышать не хочет,
Как человечество стонет от боли.
Сам под бомбежкой сжимался в комочек
И дожидался сигнала отбоя.

Все грохотало вокруг и горело,
Жизнь каждый миг из-под ног ускользала.
Все-таки в солнечный день апреля:
- Выжили!.. - мать иступленно сказала.

Ах, как упала она на колени!
Как голосила! Тряслась от рыданья!..
...Незабываемое мгновенье,
Неисчерпаемое страданье.

А где мои корни?

А где мои корни?.. Их бомбы разрыли.
За воздух держусь из последних силенок.
Как будто очнулся я только сегодня,
Как будто я только что встал из могилы.
Врачи заключили: совсем никудышный!..
Не деревцо. Нет! Худосочный росточек...
Врачи заключили: на ладан дышит...
Но держится сердце. Сдаваться не хочет.
Не важно, что хрипло дышу я, что - кашель...
Не важно, что слаб я: шатаюсь от ветра.
...Как пахнет приятно гороховой кашей!..
Как сладко глазам от победного света!..
Ворота концлагеря - настезь. И – танки
Свои!.. Согреваюсь горячей броней.
И - ешьте! - душистого хлеба буханки,
Далекой России посланье родное.

Сокровенное

В какие узкие ворота
Без всякой музыки прошли...
Теперь за подвиг веры кроткой
Нам платят жалкие гроши.
И то не всем, а тот счастливец,
Кто предоставил справок пуд...
И кто по воле наивысшей
Все муки вытерпел и тут.
Война, выходит, длится долго,
Как не молиться, кто спасен...
О, как отчаявшихся много,
Кто в книгу жертв не занесен!

Какие узкие те двери,
Где пенсии нам выдают.
Как не хватает людям веры,
Что Бог присутствует и тут.

Память

Раз один я был на кладбище,
Где отца похоронили...
В том чужом далеком городе,
Где в концлагере мы были.
Повезли потом на Родину,
По дорогам искореженным
Через пропасти так медленно,
Словно альпинисты мы.
Где-то в воздухе маячили
Горы Альпы... неподдельные.
И тоннели, вдрызг разбитые,
Пропускали нас с трудом,
Нам казалось, что не вырваться
Из проклятья заточения:
Не хватало нам терпения, -
Так нас медленно везли.

Кто боли все переболел

За колючкой концентрационных,
Проклятых навеки мест казенных,
Расположен тайный тот архив,
Точно где указано: кто – жив...
Кто – каков... И кто откуда вышел,

Подчиняясь воле наивысшей,
Высохим скелетом грохоча
И от кашля в три дуги сгибаясь,
Немощи зловещей не сдаваясь,
Путь-дорогу к Родине ища...
Жили то в конюшнях, то в подвалах,
То в сараях, то на чердаках...
Накопилась, как свинец, усталость
Оттого, что держат в дураках.
На затычках да на побегушках,
Подешевле да – потяжелей...
В старичках теперь мы да в старушках...
До сих пор никто не пожалел.
Государству мы опять в убыток:
Тратить надо медные гроши...
Никому не счесть жестоких пыток,
Выпавших на выдержку души.
Их мало, бывших малолетних,
В концлагерях кто уцелел,
Кто боли все переболел,
Кому хватило сил последних...
Кто — чудом выжил. Бог помог им!..
А может, просто повезло.
В живых оставшихся, немногих,
Их мимо смерти пронесло.
Кто крылья дал им? Ангел добрый
Какой — пожертвовал свои?..
Ходили с нищенскою торбой,
Просили хлеба и любви...
И до сих пор в таком же ранге –
Как за колючкой, голодны...
Опять поддерживает ангел,
Бог продлевает наши дни.

Река Обла

Река Обла текла в тени.
Пристанище здесь обретали.
Наполненные зноем дни
За километр нас облетали.

Во всю звенели соловьи,
Беспечно щелкали кузнечики...
Здесь раны исцелил свои
И я, вернувшись из неметчины.

Немного было пацанов,
Что, до костей изможденные,
Здесь мир разглядывали вновь
Через кусты ольхи зеленые.

Здесь, где плескались пескари,
Где на крючок ловились окуни,
Нам улыбнулся свет зари,
Войной жестокой не растоптанный.

Семья Мордачевых

До войны Мордачевы проживали в поселке Толмачево. У Марии Андреевны и Ефима Яковлевича было пять сыновей. И вот, когда никто этого не ожидал, разразилась Великая Отечественная война.

В каждом городе, в каждой деревне слышался плач. А еще – стон, многократно усиленный мукой ожидания и страха. Страх за жизнь ушедших на войну мужей, братьев, отцов. Страх перед голодом, перед карателями, выжигающими целые деревни. Страх перед эшелонами, увозящими в рабство женщин и детей. Страх навсегда лишиться Родины.

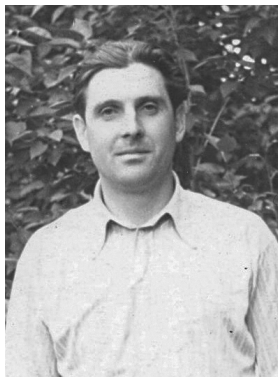
Семья Мордачевых не избежала этого страха. В первые дни войны ушел на фронт глава семьи Ефим Яковлевич. Во время оккупации был убит фашистами старший сын Михаил. Чудом избежал участи старшего брата малолетний сын Анатолий. Его забрали в жельцевское отделение гестапо по подозрению в связи с партизанами.

Незадолго до освобождения города Луга семья Мордачевых была угнана в Германию, сполна испытала все ужасы концлагеря.

Вернулись в Лугу в 1945 году. Несмотря на голод, разруху, все четыре сына выучились, приобрели профессии и всю дальнейшую жизнь трудились, отдавая все силы восстановлению народного хозяйства.

Нет больше с нами Марии Андреевны, Ефима Яковлевича, Леонида и Анатолия. Не дожили до 65-летия освобождения Луги. Продолжают трудиться Петр и Олег.

Жизнь продолжается во внуках и внучках.

Леонид

Окончил Лужскую первую школу. Выучился на водителя. Работал водителем в ДУ. Затем стал сотрудником Госавтоинспекции.

Бывший малолетний узник немецкого лагеря в Штутгарте.

Анатолий

Окончил Лужскую школу. Затем техникум общественного питания. Был заместителем председателя Лужского Совета общества узников, которое было образовано в 1993 году. Работал механиком на Лужском мясокомбинате.

Бывший малолетний узник немецкого лагеря в Штутгарте.

Петр

Закончил Лужскую первую школу, техникум механизации сельского хозяйства. Отслужил в Армии. С 1961 года работал в РТС. Затем начальником, инженером, главным инженером, управляющим СХТ. Награжден Орденом почета, 3 бронзовыми медалями ВДНХ за рационали-

зацию. Присвоено звание Заслуженного рационализатора РСФСР.

Бывший малолетний узник немецкого лагеря в Штутгарте.

Олег

Окончил Лужскую школу, потом институт холодильной промышленности. Работал на Белкозине инженером, затем стал директором Лужского молокозавода.

Бывший малолетний узник немецкого лагеря в Штутгарте.

Спасти и выжить

Точно не известно, сколько составов с рабами было отправлено в Германию за время оккупации из нашего города. Но последний из них немцы умудрились снарядить за несколько дней до освобождения Луги - 6 февраля 1944 года. В этом поезде и оказалась семья Мордачевых: мать Мария Андреевна и четыре ее сына (по старшинству) – Леонид, Анатолий, Петр и Олег. Глава семьи Ефим Яковлевич в это время сражался на фронте.

Анатолий Ефимович поведал о том, как немцы их "принимали".

Поезд прибыл в Штутгарт 28 февраля. Всех пленных построили на перроне и погнали мимо стоявших тут же фермеров, которые отбирали себе работников - так фашистская Германия осуществляла поддержку своего сельского хозяйства. Анатолий Ефимович хорошо помнит, как хотали сытые бюргеры, когда подошла очередь их семьи.

- В этой России, действительно, живут одни дикари, - перевел позднее маленький Толя слова немецких землевладельцев. Что ж, неудивительно, что те так говорили. После нескольких дней пути в товарном вагоне, грязные и голодные, мы, конечно же, выглядели ужасно.

Мария Андреевна взяла младших сыновей на руки, старшие шли сзади. Они двигались сквозь строй, слыша насмешки и ежась под оценивающими взглядами потенциальных рабовладельцев.

Немцы - народ расчетливый. Ни один из фермеров не взял изможденных подростков. Так семья Мордачевых оказалась в русском рабочем лагере Halshlak.

Марию Андреевну и Леонида отправили работать на завод Elektron корпорации Kolbenfabrik, принадлежавший фирме Mahle (лагерь тоже принадлежал этой фирме), а Анатолия и его двух младших братьев заставили работать

по лагерю. Толе было 12 лет, Петру - 6, Олег был еще меньше. Немцы, как рачительные хозяева, берегли свой "рабочий скот". Зачем посылать детей выполнять работу взрослых?

В лагере Анатолию исполнилось 13 лет. Это возраст, когда, по мнению нацистов, надо начинать трудовую деятельность. Но Толе повезло: из школьной программы в памяти осталось несколько слов по-немецки. Его сделали курьером, что дало возможность свободно перемещаться. Наверное, это и спасло его младших братьев: он почти всегда отдавал им свою похлебку из корнеплодов (в основном из брюквы), а иногда удавалось раздобыть в городе хлебные карточки.

...Стояли холода. В лагерь привезли уголь, и Мария Андреевна попросила сына взять два брикета: младшие очень сильно мерзли. И в тот момент, когда Толя передавал брикеты через окно, в склад вошел начальник лагеря обервахман Райберг.

Позже Анатолий Ефимович, вспоминая этот эпизод, не мог понять, как ему удалось выжить. Райберг бил его, 13-летнего пацана, смертным боем. Не найдя от бешенства свою плеть, он пустил в ход кулаки, бил ногами. Потом выволок на улицу и продолжил экзекуцию там. И оставил умирать избитого ребенка на пустыре перед складом. Оказавшиеся рядом подростки принесли Анатолия к матери, и та с трудом выходила сына.

Но среди немцев были и хорошие люди. Во время исполнения одного из поручений Анатолий познакомился с бездетной семейной парой, которая стала помогать ему и его семье. Они давали еду и одежду для младших братьев, не раз отдавали Толе свои хлебные карточки.

В начале 1944 года в небе над Штутгартом впервые появились тяжелые американские бомбардировщики. Из-за

пережитого тогда ужаса Анатолий Ефимович еще долгие десятилетия не мог спать в темноте.

В ночном небе стоял страшный гул. Бомбардировщики заходили волнами, одна за другой. Они бомбили не промышленные объекты, а жилые районы города и точки противовоздушной обороны. Одна из них находилась недалеко от лагеря. Заключенные лежали в подвалах и молились. Тогда и атеисты вспомнили Бога.

Когда на следующее утро вышли на улицу, то не узнали город. Глядя на развалины, мы испытывали неоднозначные чувства.

- Ну, сволочи, испытайте и вы войну, как мы, - сказал один из заключенных.

Но людей все равно было жалко.

Бомбежки продолжались каждую ночь. Но люди привыкают ко всему. Привыкли и к ним. Под конец войны обитатели лагеря перестали спускаться в подвал. Очень рано звонил колокол, созывающий их на работу. Очень поздно давали отбой. Слишком ценны были минуты сна, и казалось, что жизнь не стоит того, чтобы жертвовать ими.

В этот день, 20 апреля 1945 года, утренний колокол молчал. Но многие проснулись сами, как обычно, в 5 утра. Выйдя из бараков, заключенные не увидели ни одного вахмистра, не услышали привычного лая собак. Фашисты ушли, оставив лагерь, а заодно и весь город.

В первые минуты люди не понимали, что произошло. Но постепенно до них стало доходить:

- Все! Каторга закончилась! Свобода!

Но заключенные не спешили выходить на городские улицы: слишком свежи были воспоминания о плетках вахмистров и клыках сторожевых овчарок. Потребовалось время, чтобы осознать: они теперь свободные люди. И вместе с этим в них как-то сразу вселилась уверенность в

том, что война близка к завершению, а фашисты вот-вот будут разбиты.

Потом пришли французы. Их приход наглядно показал, что представлял из себя второй фронт. За исключением высадки в Нормандии, войска союзников в Европе толком и не воевали. Просто немцы отступали, а союзники шли за ними следом.

И вот так, неспешным маршем, французская армия заняла Штутгарт. Люди из лагеря направились в город и... повстречали таких же несчастных. Оказывается, в округе была целая сеть фашистских трудовых лагерей. Анатолий Ефимович вспоминает, что французы были очень веселыми, только ни по-немецки, ни по-русски ничего не понимали, в армии у них были в основном алжирцы и марокканцы. А веселые они были весьма. Их патрули во время комендантского часа стреляли по окнам, чтобы скуку разогнать да свой страх рассеять.

После победы Германию разделили на три сектора влияния. Анатолий Мордачев вместе со своей семьей, лагерем, Штутгартом и его окрестностями попал под патронаж США.

Когда в лагерь приехал первый "виллис" с американскими военными, наши, окружив его, спрашивали:

- Когда домой отправите? Сил нет, как домой хотим.

- А куда вы так рветесь? Да ваш поезд сразу, без остановки, в Сибирь завернут, - говорили американцы.

- Хоть в Сибирь, хоть на Колыму. Мы домой хотим, на Родину.

Через несколько недель американцы выделили для бывших узников железнодорожный состав, прицепили два вагона с продовольствием и дали оружие для охраны.

За пару дней до отъезда Толя пошел прощаться со своими немецкими друзьями. Узнав, что он уезжает домой, они принялись уговаривать его остаться.

- Ты будешь нам сыном, - говорили они.

Толе было жалко этих добрых людей. Ну, не дал им Бог детей. А так – хорошие ведь люди-то. Он сказал им, что поговорит с мамой.

На следующий день он пришел к ним вместе с мамой. Так Мария Андреевна впервые встретилась с благодетелями, во многом благодаря которым ее семья смогла выжить.

Все сидели за столом, чинно разговаривали. А надо сказать, что Толя побоялся говорить матери, зачем ее пригласили. И как только Мария Андреевна узнала, о чем ее просят гостеприимные хозяева, она вскочила и возмущенно закричала:

- Ишь чего удумали! - и, обернувшись к сыну: - А отец что скажет?

Анатолию, конечно, было жалко эту семейную пару. Но все-таки он был рад, что мама не согласилась. Ведь ему так хотелось домой, в Россию, хотелось увидеть отца.

В поезде ехали весело. Ели от живота, пели песни. Но самое главное - домой ехали. Домой!

За окнами товарняка мелькала разгромленная Германия. То и дело встречались колонны беженцев. Вспыхнувшее было злорадство быстро угасло, когда к составу начали подходить голодные оборванные женщины и дети. Они просили еды.

Непонятно, что двигало нашими людьми: то ли память о собственных лишениях, то ли еще что. А скорее всего - русские просто добрые сами по себе. Почти ни одна просьба о хлебе не осталась без ответа. Люди отдавали половину своих пайков. Тех же, кто пытался издеваться над беженцами или дразнил их, осаживали тут же, порой даже весьма жестко.

Когда подъезжали к советской зоне, поезд словно замер. Все замолчали, смотрели в окна. Вот началась стан-

ция, вот пошел перрон, а вот солдат стоит у здания вокзала. Тут кто-то закричал:

- Наши!!!

И словно плотину прорвало: все бросились из вагонов, подбежали к этому солдатику, обнимали, целовали, что-то спрашивали, рассказывали. Молодой парнишка так опешил, что только растерянно хлопал глазами.

Потом все угомонились. А когда начальство узнало, что в поезде оружие, чуть всех под арест не взяли. Ну, конечно, разобрались, оружие изъяли. Правда, и вагоны с американской едой тоже конфисковали. Сказали, что для нужд армии. Поезд отправили дальше, в СССР.

Про расставания и счастливые встречи на войне написано немало книг, снято множество фильмов. То же самое случилось и с Мордачевыми: уже на советской территории они повстречали своего отца Ефима Яковлевича - сразу после победы он пошел работать на железную дорогу. Сколько радости было, сколько счастья! Ведь они уже и не чаяли повстречать друг друга.

Почти вся семья вновь была в сборе. Только старший, Михаил, не дожил до Победы - погиб.

Тот, кто познал смерть и горе, лучше знает цену жизни. После войны страна поднималась из руин. Вместе со всеми налаживала нормальную жизнь и семья Мордачевых. Отец работал на железной дороге, сыновья учились.

Леонид стал сотрудником Госавтоинспекции, Анатолий поступил в техникум общественного питания, Петр – в сельскохозяйственный, а самый младший, Олег, окончил Ленинградский институт холодильной промышленности. Правда, Анатолий Ефимович рассказал нам, что сначала он хотел поступать в электротехникум связи, но на экзаменах его откровенно завалили. А когда забирал документы, сотрудник приемной комиссии как бы невзначай указал на

графу в анкете, где Анатолий написал, что был узником фашистского лагеря.

Так в какой-то степени сбылось предсказание американцев: в Сибирь их, конечно, не сослали, но и в техникум по избранной специальности поступить не удалось. После этого Анатолий Ефимович писал в анкете: "Закончил среднюю школу после войны".

Семья Мордачевых после войны жила в Луге, на Большой Заречной улице, в доме № 120. Анатолий Ефимович работал механиком на Лужском мясокомбинате. Женился, вырастил двух дочерей, появилась внучка. Когда сослуживцы спрашивали, не жалеет ли он, что не остался в Германии, он, не задумываясь, отвечал, что ни одного мгновения не жалел. Правда, жалел ту немецкую семью, которая помогла им выжить на фашистской каторге. Хотелось написать, но время было не то. "Железный занавес" не располагал к переписке, за связи с иностранными гражданами можно было запросто оказаться в той самой Сибири.

На заре 90-х годов страна изменилась. Германия стала выплачивать денежные компенсации узникам фашизма. Анатолий Ефимович попытался было получить статус малолетнего узника, но документы, переданные им в соответствующие органы, затерялись в бездонных недрах чиновничьего аппарата. Полтора года - ни ответа, ни привета. Тогда он написал в Германию бургомистру Штутгарта, указал, где и когда был в лагере, указал владельца фирмы Mahle Гельмута Мале, директора завода Elektron Шлюхте и еще двух немцев: начальника лагеря обервахмана Райберга и начальника охраны завода Штиглица. И через полтора месяца ему пришел ответ от руководства фирмы Mahle, в котором были извинения и предложения принять компенсацию.

А. В. Миронова

Антонина Владимировна окончила медицинский факультет Тартуского Государственного университета. С 1959 года жительница города Луга. Работала врачом почти пятьдесят лет. Много сил отдавала общественной работе. Была дважды победителем областного соревнования. Ветеран труда. Во время войны была малолетним узником концлагеря «Клоога», «Марьина Гмыза».

Мне часто снится один и тот же сон

- Мне часто снится один и тот же сон. Нас, двенадцатилетних детей, кто еще может передвигаться, сгоняют к железнодорожному тупику и под дулами автоматов, еле живых, заставляют толкать в Балтийское море вагон, набитый евреями всех возрастов. Слышатся стоны, плач детей, крики запертых людей, а мы все толкаем и толкаем. Но вагон не двигается с места, и тогда надзиратели начинают стегать по нашим спинам плетью. От боли подкашиваются ноги, но обратного пути у детей концентрационного лагеря «Клоога» нет.

Я просыпаюсь от звенящего в ушах крика обреченных людей, ощущая каждой клеточкой тела боль от ударов. Картины прошлого всплывают в памяти – и не забыть их, и никуда от них не деться.

Жизнь, опаленная войной

Летом 1942 г. жителей трех поселков и нас в том числе погрузили в вагоны и отправили в Германию. Мы ехали очень долго, нас не кормили. В пути началась эпидемия. Многие умирали, а их тела просто выбрасывали из вагонов. Из-за болезни эшелон не пропустили в Германию. Нас высадили на эстонской границе и отправили в концлагерь «Клоога».

Кино и книги никогда не смогут передать весь ужас, страх, боль, беспощадность, жестокость, царившие там. Всю правду лагерной жизни знают только выжившие и те, кто уже никогда не сможет рассказать свою историю пленника.

- За рамками истории, - считает Антонина Владимировна, - осталось много скрытого. Так, за всю жизнь я не встретила ни одной публикации, не видела ни одной телевизионной передачи о концлагере «Клоога». Никто никогда не рассказывал о том, как фашисты выкачивали кровь у несовершеннолетних детей, пока она текла из их худых тел, о зверствах и беспричинной ненависти надзирателей, которые в большинстве своем были выходцами с Западной Украины и Балтии.

Через какое-то время семью Антонины Владимировны перевели в концентрационный лагерь «Марья Мыза», где было организовано поселение. Там она встретила своего отца. Расселили пленных в загоне со свиньями, кормили один раз в день, а работать заставляли сутками. Но даже здесь мужество не оставляло людей. Мама Антонины, находясь в критической ситуации, умудрялась несколько месяцев прятать в соломе партизана. Однако и тут нашлись предатели, которые выдали родителей немцам.

- И вот отец с матерью стоят с петлями на шее, - говорит Антонина Владимировна. – Их собираются казнить.

Еще мгновение, и все будет кончено! Неожиданно начинается бомбежка, крики, суета, неразбериха. Как оказалось, советские войска пошли в наступление. Родители бежали. Вместе мы дошли до города Тарту, который немцы брали и оставляли после этого еще раз двадцать. Чудом добрались до связного пункта, где наши солдаты оказывали помощь военнопленным. Нам дали одежду, обувь, еду и переправили в медсанбат.

В конце 1944 года после прохождения фильтрации отец Владимир Григорьевич получил сопроводительное письмо и вместе с семьей направился в город Эльву на восстановление железной дороги.

По словам Антонины Владимировны, местное население, мягко говоря, недолюбливало русских, проявляло жестокость и нетерпимость по отношению к победителям.

Немецкие военнопленные переносят тела узников концлагеря «Клоога» (Эстония)

Концлагерь Озаричи

В марте 1944 года командующий 9-ой армией генерал танковых войск Рихтер (Херце) приказал создать у переднего края немецкой обороны три контрационных лагеря. Один из них находился на болоте у поселка Дертъ, второй в двух километрах северо-западнее местечка Озаричи, третий – в двух километрах западнее деревни Подосинник в болоте. Эти три лагеря, в которых содержалось около 500 000 советских граждан, получили название «Озаричского лагеря смерти».

Сюда под предлогом эвакуации привозили жителей городов и деревень Гомельской, Полесской и Могилевской областей, преимущественно стариков, нетрудоспособных женщин, детей.

Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную несколькими рядами колючей проволоки. Подступы к ним минировались. Никаких построек на территории лагерей не было. Заключенные находились под открытым небом. Им запрещалось делать шалаши, разводить костры, собирать хворост для подстилки. В лагерях имелось много случаев обморожений, эпидемий. Больные не получали никакой медицинской помощи. Напротив, в лагерь из окрестных больниц сюда привозили тифозных.

Машины подъезжали к проволочному ограждению, и фашисты перебрасывали больных на территорию лагеря. Многие из них, находясь в бессознательном состоянии, часами лежали на снегу и умирали. Хоронить их категорически запрещалось. Мертвые тела лежали рядом с живыми,

распространяли инфекцию и трупный запах.

Режим лагеря был рассчитан на истребление людей голодной смертью. Раз в неделю гитлеровцы подвозили к проволоке хлеб и кусками бросали его в толпу изможденных людей. Маленький кусочек хлеба после систематического голодания еще больше усиливал муки заключенных. От голода в лагере умирало ежедневно огромное количество людей.

В Озаричском лагере смерти существовал самый дикий произвол. Фашисты расстреляли 12-летнего Мишу Гусанова из деревни Козловичи за попытку принести воду для семьи. Старик Иван Глуцкий был расстрелян за то, что хотел развести

костер и обогреть внучат.

Всего в этом лагере истреблено 9000 советских граждан.

П. С. Данилов

Павел Семенович родился в 1936 году. После войны учился, закончил ремесленное училище в городе Ленинграде, работал на заводе «Линотип». Четыре года служил в Армии. В 1963 году поступил на работу в СКБ полупроводниковых приборов. Заочно окончил техникум холодильной промышленности. Работал механиком, начальником поезда. С 1989 года житель города Луга.

С 1993 года член Совета общества БМУФ, с 2007 года председатель Лужского Совета БМУФ. Инвалид, ветеран труда. Бывший малолетний узник нескольких концлагерей.

Из шести остались двое

До войны мы жили в деревне Крушиновка близ города Рогачева. В 1943 году нашу семью из шести человек (мать и пятеро детей) угнали с родных мест в Венерварген, который находится на территории Польши. Это был лагерь, охраняемый венграми. Пробыли мы там около полугода. В этом лагере делали заборы крови, костного мозга у детей, а также проводили разные опыты над детьми.

Затем нас повезли в лагерь Озаричи, туда сгоняли всех нетрудоспособных для уничтожения, находился он в Пинских болотах. Ехали мы долго, вагоны часто горели, нас высаживали, гнали какое-то время колоннами. В лагерь мы прибыли в начале марта. Создан этот лагерь был по приказу комдива немецкой армии генерал-лейтенанта Рихтера. Это было открытое место, окруженное двумя рядами ко-

лючей проволоки. Мы находились под обстрелом нашей армии, так как это была передовая линия фронта. Кругом маленькие елочки, снег да мертвые тела. Свирепствовал тиф и туберкулез. Воду пили из воронок, в более крупные воронки укладывали тела мертвых, чтобы было теплее сидеть или спать.

Иногда нам привозили хлеб и разбрасывали с машины, так как боялись заразиться. В памяти остался случай, когда я подкрался к машине, чтобы добыть буханку хлеба, на меня напала собака, чуть не загрызла, на помощь подбежал старший брат, спасло нас только то, что охранник с вышки застрелил собаку.

Освобождала нас 65-я армия – танковый десант под командованием Тацинского. Солдаты разминировали проход и выводили всех. Маме на mine оторвало ногу, она там и умерла. Младшая сестра умерла в лагере от тифа.

Потом нас разместили в 192 ППГ (полевой передвижной госпиталь). Вторая сестра умерла в госпитале от осколочного ранения, там же в госпитале умер брат от туберкулеза. Госпиталь находился в поселке Уболоть. Я остался там с обморожением ног 2-3 степени, брат помогал раненым.

Затем мы со старшим братом 1930 года рождения шли домой более 200 километров пешком, ночевали, где примут, ели, что дадут. Вернулись домой в апреле 1945 года, приняла нас тетя, а через полгода сдала в Рогачевский специальный детский дом № 1.

Концлагерь Саласпилс

Шоссе Рига – Даугавпилс. На семнадцатом километре сворачивает проселочная дорога в лес. Она ведет на бывший полигон, где когда-то солдаты стреляли по фанерным мишеням. Во время немецкой оккупации мишенями здесь были живые люди. На этом выжженном солнцем, поросшем редким вереском песчаном пустыре находился самый большой из всех 23-х лагерей смерти, созданных немецкими фашистами в Латвии, концлагерь «Саласпилс».

В октябре 1941 года старый полигон площадью 30 гектаров окружили двойным заграждением из колючей проволоки. Соорудили сторожевые башни, установили на них пулеметы. Вокруг центральной сторожевой башни в три ряда разместили бараки для заключенных. Каждый барак был рассчитан на 200-250 человек, но в них помещали от 350 до 800 заключенных. Люди лежали на нарах в четыре и пять ярусов, буквально задыхаясь из-за недостатка воздуха. Каждый заболевший мог считать себя обреченным. В конце лагеря находился карцер со многими бункерами. В них можно было находиться только скорчившись. Сюда привозили смертников – тех, кого на следующий день расстреливали или вешали.

Надписи вокруг лагеря запрещали к нему приближаться. Оккупанты надеялись скрыть свои злодеяния от народа. Но слыша автоматные очереди и предсмертные крики, доносившиеся в тихие ночи до самого шоссе, видя огромные могилы, выросшие в окрестном лесу, люди догадывались, что происходит в запретной зоне, и стали называть Саласпилс лагерем смерти. Как свидетельствуют материалы государственной чрезвычайной комиссии, опубликованные вскоре после войны, в Саласпилском лагере смерти немецкие фашисты расстреляли, отравили, забили до смерти, уморили голодом более 100 тысяч мужчин, женщин и детей. В последний момент пе-

ред приходом советской армии в Саласпилс из Риги еще успел прибыть отряд эсесовцев и поджечь деревянные бараки.

Чтобы сохранить в веках память о жертвах фашистского террора, на месте бывшего концентрационного лагеря сооружен Саласпилский мемориальный ансамбль. Авторами его являются архитекторы Г. Асарис, О. Закаменный, О. Остенберг и И. Страутманис, а также скульпторы А. Буковский, Я. Заринь и О. Скарайнис.

Скульптура посвящена матерям – узницам Саласпилса

А. Я. Чудинов

Алексей Яковлевич родился в 1928 году в крестьянской семье, в Новгородской области. С детства любил землю, работал на ней, помогал матери после смерти отца воспитывать двух младших сестер.

Весной сорок третьего года был угнан фашистами в концлагерь «Коркино» и «Вороний остров» под Ленинградом, позднее в Латвию в концлагерь «Саласпилс».

За два года неволи четыре раза бежал из лагерей. Четыре года служил в Советской Армии.

После демобилизации из Советской армии работал слесарем на ленинградском заводе.

Окончил вечернюю школу рабочей молодежи. Последние три десятка лет работал электриком. Стихи начал писать в зрелом возрасте. Печатался в районных газетах: «Шимские вести» и «Лужская правда»; в журнале «Медный всадник», в сборниках стихов лужских поэтов: «Память, опаленная войной», «Радуга над Лугой».

В фашистской неволе

Весной сорок третьего года в нашу деревню приехала немецкая комиссия. Офицеры (в зелёной, черной и желтой форме) приказали старосте собрать на площадь всех жителей. Каждая семья обязана выстроиться перед комиссией – отбирали только мальчиков. Щупали мускулы, руки и ноги, осматривали тело и зубы – нужных отделяли в сторону. Я тоже попал в строй отделенных.

На станции нас загнали в «телячьи» вагоны, около их дверей стояли два солдата с автоматами в руках. Двери закрыли на замок с наружной стороны. Плач матерей заглушал паровозный гудок. Я заглянул в окошко и через железную решетку увидел свою мать. Плач матерей переходил в стон.

...Позади осталась уже Эстония, дальше – Латвия. Снова ехали и долго стояли на станциях. В вагонах были ребята из Ленинградской, Орловской, Смоленской областей. Нас привезли в концентрационный лагерь, за колючую проволоку. Кормили плохо: утром давали чай, чуть подслащенный сахаринром, на обед была мучная жидкая баланда, вечером – снова чай и немножко хлеба. Начальник лагеря – офицер в желтой форме с фашистской свастикой на рукаве, на другом рукаве на широкой красной ленте черными немецкими буквами написано «ТОДТ» - дорожно-строительная организация. Он говорил: «Вы должны строить шоссейные дороги для великой Германии, кто попытается убежать – того ждет смерть!».

Всю зиму под охраной конвоиров и дорожных мастеров мы чистили дороги от снега и засыпали гравием, трамбовали, посыпали мелким щебнем. Весной меня определили в бригаду подрывников. Я был обязан под пять камней подложить динамит – аммонал с запалами и бикфордовыми шнурами, поджечь их и убежать вовремя в бункер.

Взорванные камни складывали в кучки маленькие дети. Дети повзрослее грузили камни на машины и с них сгружали к дробилкам. Однажды, когда маленькие дети, как муравьи, собирали камни в кучи, неожиданно взорвался большой камень, кем-то оставленный не взорванным. Тысячи острых каменных осколков попадали на головы, ранив детей. Они кричали от боли, некоторые лежали на земле окровавленными.

Подъехали рабочие - поляки с нашивками «О. Т.» на рукавах и начали бросать мертвых и раненых детей на машину. Их увезли неизвестно куда. Нас, подрывников, долго допрашивали, пытали. Я на допросе ничего вразумительного им не сказал. Мои руки привязали к скамье и начали бить меня резиновой палкой... Очнулся я на следующий день в одиночной камере, невозможно было шевельнуться от боли.

Помню июль сорок четвертого года: в бараке людей, как сельдей в бочке. Я ем брюкву, и целый час чешусь от зуда. Кажется, кожей к позвоночнику прирос живот, ребра обтянуты тонкой кожей. Но я цепляюсь за жизнь, думаю о побеге в темную ночь. Верю: Гитлеру скоро капут, фашисты уже на запад бегут, ругают Россию. Фронт все слышнее гудел, приближался к нашему лагерю. Августовским утром нас подняли раньше обычного. После завтрака конвоиры заорали: «Строиться!». Подъехали большие крытые машины, нас погрузили и двинулись к фронту мимо латышских хуторов. Слышались разрывы артиллерийских снарядов. За одним из хуторов, на овсяном поле, заставили слезть с машин. Немецкий офицер размечал, а солдаты ставили и забивали деревянные колышки, определяя размеры для копки траншей. Вдоль поля проходил глубокий ручей, от его берега мне первому отмерили место для рытья траншей и пулеметного гнезда.

Скоро усилилась дальнобойная стрельба, и снаряды визжали над нами. Конвоиры кричали: «Руссиш, шнель арбайтен!». Загremела артканонада на флангах, загорелись хутора. По дороге отступал гитлеровский обоз, за лесом гудели моторы танков, слышна пулемётная стрельба.

В пулеметную ячейку, которую я ещё не успел выкопать в полный рост, ввалился толстый гитлеровец с ручным пулеметом. Он разгрёб землю руками и установил пулемет на край бруствера, застрочил. Стреляли рядом также из пулеметов, наш конвоир кричал: «Быстрей работай!». Разрывы снарядов, шипение мин, пулеметная и автоматная стрельба слились в один непрерывный вой...

На горизонте появились одиннадцать краснозвездных троек самолетов. Они неслись к нашим траншеям. Одна из троек, казалось, снижалась прямо на меня. Самолеты опускались довольно низко, и я даже видел в шлемах лица летчиков. Пулеметные плети секли по рыхлой земле, из самолетов летели огненные залпы снарядов. Гудело в ушах. Я видел, как одиннадцать троек улетали за лес, а новые самолеты снова приближались к овсяному полю. Самолеты стреляли по траншеям, по отступающему обозу... В узкой ячейке я всё ниже вжимался в землю. Рядом с биноклем на шее метался фашист. Визжали снаряды, с шипением рвались мины. Вот и конец мукам! Появились наши танки, обрушив свой огненный шквал. «Ура-а-а!» — загудело по полю. Я землю, как мать, целовал в тот миг. От страха вдавился спиной в боковую нишу ячейки, рядом толстый немец-пулеметчик шептал: «Майн гот, майн гот! Капут, Капут!».

Из траншеи выскакивали окровавленные гитлеровские солдаты и бежали к ручью... И тут удар. Последний раз я видел русского летчика в шлеме, и вдруг все утихло...

Очнулся я в нашем полевом госпитале, лежал в палатке среди забинтованных людей.

Эта фотография чудом сохранилась у Алексея Яковлевича. Сделана она была в 1944 году в концлагере «Саласпилс». Немец, может, потехи ради, может, для истории – любил фашисты запечатлеть каждый свой шаг – сфотографировал парня, который работал в концлагере. Этим парнем был Алексей Яковлевич Чудинов.

Палки

Светит луна на окно вполнакала,
В поле овсяном зарянка сверкала.
В доме все спали, а мне всё не спится:
Память тревожная в сердце стучится.

Нелюди в кучи собрали детей,
В зубы смотрели их, как лошадей.
Щупали мускулы, руки и ноги,
К станции гнали по узкой дороге.

Следом шли матери, нас провожали,
Ироды в спины штыками толкали,
Слышался крик, материнские стоны.
Нас загоняли в «телячьи вагоны».

Ехали к фронту - стал слышаться бой,
Спешились, лесом погнажи толпой.
Узким проходом овчарки - собаки
Быстро загнали в сырые бараки.

Жили в бараках отдельно: поляки,
Чехи, голландцы, болгары, словаки...
«Хлеб и работа вам будет по норме!» -
Громко сказал нам фашист в жёлтой форме.

Землю копали с утра и до ночи,
Солнце палило - хотелось пить очень.
Счастье - когда прилетали снаряды,
Мы отдыхали и им были рады.

Чёрный асфальт от дороги летел.
Ныла сосущая боль в животе...
Как убежать и разведать дорогу?
Сердце мальчишечье било тревогу.

Шеф прокричал: « Кто проявит смекалку
И хорошо сможет вырезать палку,
Тёплой баланды и прочего корма
Завтра получит в один день две нормы».

Я согласился и с видом не жалким,
Резал ножом я рисунок на палке -
Ромбы, трапеции, цепи, квадраты,
Свастику, что заносили солдаты...

Палка готова, проверив на прочность,
Немец поднял и как лошади точь - в точь,
Сильно ударил по попе со смехом,
Весело выродку - мне не до смеху.

Тёмною ночью при смене наряда,
С Мишкой сломали колючек два ряда,
Быстро ползли, лопухом прикрывались.
Ближе к земле телами впивались.

Тихо на вышках, неслышно погони,
Снова ползём, обжигая ладони.
В лес забежали прохладно и пряно,
Сосны, берёзы, с цветами поляны.

Кисти малины багряны душисты...
Следом бежали за нами фашисты!
Мы, как пиявки, к земле присосались,
Только следы для собаки остались...

В лагерьный бункер фашисты вогнали,
Руки верёвкой к скамье привязали,
Палками били змеиные созданыя,
Били, пока не терял я сознание.

Утром очнулся - дела мои плохи,
По полу прыгали рыжие блохи,
Локти с коленками тело держали,
Вши, словно кони, по телу бежали.

Пять дней прошло, как меня отпорол,
И перегнали на «Остров Вороний».
В лагере новом свои распорядки...
Ноги окрепли, спина не в порядке.

В тесных бараках здесь узники жили,
Русских в еврейскую церковь вселили.
Пол в синагоге посыпан соломой,
Спать мы ложились с голодной истомой.

Снилась мне мать: в чистом фартуке белом
Хлеб из печи вынимала умело,
Круглый - крестьянский, ржаной и душистый,
Но за столами сидели фашисты.

Хлеб нарезали на медном подносе,
Жадно съедали, а мать всё подносит:
«Ешьте, родимые, вам на здоровье!»
Льёт по стаканам парное коровье...

Сильным ударом мой сон обрывался:
«Ты что не слышал или заспался?
Русский свинья!» - и прусак - переродок,
Палкой моею же бил в подбородок.

За ночь обида и боль поутихла,
Утром сказал шеф с улыбкой нахала:
«Кто лютче сделает для наших друзей?
Палку отправим в германский музей!»

Парень смекалистый сделать решил:
Вырезал палку, отдать не спешил.
Руки устали, в траве отдохнул,
К солнцу пригрелся и сладко уснул.

В страхе сороки в кустах стрекотали...
Двое карателей парня подняли,
Били прикладами, сонный дрожал,
Боли не выдержал и побежал.

Фриц из-за пояса вытащил штык.
Бросил с размаху, в секунду достиг,
Штык между рёбер остался торчать:
-«Мама...»- парнишка успел закричать!

Изредка мыться на речку гонялись
И без команды мы все раздевались.
Кто мочил голову, кто умывался,
Только цыган все стоял, не купался.

«Юда!» - цыган, сбитый, плюхнулся в воду.
«Вымою вашу собачью породу!»
Цыган в воде неумело плескался,
Немец со смехом над ним издевался.

Камень схватил я в секундное время,
Смаху ударил в фашистское темя.
Камень в штаны под ремень запихнул,
Волоком с берега немца столкнул.

Мстил я за муки в невольном труде
И не осталось следов на воде.
Я пробирался знакомой опушкой.
Били вдали дальнобойные пушки.

Летняя ночь пролетела, как птица,
Солнце на листьях осины искрится,
С горки отлогой свернула дорожка,
В белом тумане желтела морошка.

Шагом гусиным я брёл по болоту,
Вышел на остров к огромному доту.
«Стой! Кто идёт?» - крикнул голос певучий.
Шли партизаны вдоль озера кручей.

Ночь за окошком погасла во мгле,
Утро катилось по мирной земле.
Яркое солнце дарило тепло:
В памяти сердца опять отлегло.

Саласпилс

Узники

Ныне живущим хочу посвятить,
Как научился свободу любить...
Тихо стою у черты роковой,
Громких сирен раздирающий вой.
Дым Саласпилса - чужие края,
Дети на нарах и в сумраке - я.
В лагере смерти лежу и дышу,
Узника крест непосильный ношу,
Тело кусает кровавая сыпь...
Лают за блоками жирные псы.
Крик конвоиров выводит во двор,
С жидкой баландой веду разговор.
Горькую правду из миски хлебнул,
Палку конвойный на рёбрах согнул.
Друг на него зашипел сгоряча -
К ночи погиб он от рук палача.
Лютый фашист научил не роптать,

Все интервалы в строю соблюдать.
Молча дорогой идем вдоль реки –
Камни взрывают вдали взрывники...
Рой малолетних безусых парней:
Русских, еврейских, татарских кровей,
Жалкой толпою по лугу идут,
Острые камни на кучи кладут.
Камень в земле затаил динамит,
Шнур из-под камня зловеще дымит.
Вдруг этот камень на воздух взлетел -
Каменный град на детей полетел!
Дети кричат на кровавом лугу...
Рук от затылка отнять не могу.
Вижу, как сыплется каменный град -
Нет притяженью земному преград.
Кровь с головы утираю платком,
Плачу над каждым убитым дружкой...

Катюша

Тишина в бараке,
В животе ни крошки,
Конвоир играет
На губной гармошке.

И «Лили Марлен»
Мне отравила душу,
И запел я нашу
Русскую «Катюшу».

Часовой с гармошкой
Наслаждался трелью:
Заиграл «Катюшу»
За стальную дверью!

Узники в бараке
Нашу песню пели.
И на волю звуки
Птицей полетели.

Побег

Камнем падал в цветники
Из лагерной колонны.
Лез, как кот под пятники
На задворках Примадонны.

По незнакомой стороне
Я ночью пробирался
И на картофельной гряде
Хозяевам попался.

Кусали ноги кобели,
Брехали, что есть силы.
Тропой по хутору вели
Два щуцмана - верзилы.

Спускали брань не русских слов
С ухмылкой равнодушной.
В подвал закрыли на засов
И в темноте я слышал

Скупые, тихие слова
Под тыном в свежей яме.
Звала седая голова:
«Бежим, сынок, так знамо!»

Заря, как розовый цветок,
Завяла в летнее ненастье
И мы шагаем на восток.
Как велика минута счастья!

Багульник

Темнела ночь за порогом,
Я шел по лагерной земле.
Мне чех сказал: «Беги ты с Богом!»
И дал краюху хлеба мне.
«Тебя не видел, знамо дело,
Ползи под лагерный забор!»
У них охрана поредела.
И я пополз в сосновый бор.

Дал бог башке моей терпенья:
Заполз в болотную траву.
Содрал колени от раденья...
Погоню слышал наяву.

Как цвел багульник на болоте!
И я под ним во мху залёг,
Багульник белой позолотой
Касался моих босых ног.

Утихли пули разрывные,
А я лежу в цветах под ним:
Он спас меня, цветок России,
Целебным запахом своим.

Траурный день

У немцев скорбные дела -
Их флаги в трауре трепещут,
И кони лижут удила,
На Ленинград глядят зловеще...

На вышках шуцманы снуют,
Гордясь чужими сапогами.
Я покидаю сей приют,
Почуяв почву под ногами.

Кресты, могилы впереди,
И я ползу от синагоги.
«Вороний Остров» позади,
Меня несут по лесу Боги...

Досадно кончился побег:
Два дня во рту ни крошки хлеба,
Сижу во «власовской избе»,
И глаз один не видит неба.

И свет дневной в другом погас,
И на допросе бьёт верзила,
И искры сыплются из глаз,
И плётка в пятый раз вонзилась...

Удача

Вышка молчит угловая,
Дремлет концлагерь в ночи.
Выручи, сила живая!
Сердце надрывно стучит.

Ноги немеют от боли,
Тихо до леса ползём...
Мы из фашистской неволи
Ночью по звёздам идём.

Месяц крадется за нами,
Видим шалаш и дымок,
Жаркий костёр с чугунами,
В горле скопился комок.

Греем над пламенем ноги,
Кожа трещит - не беда...
И от вчерашней дороги
Не остаётся следа.

Сережки

Мы с мамой шли по бездорожью,
Была не мамина вина.
Сожгли фашисты поле с рожью –
Крутые были времена!
Мать на ходу молилась богу,
Кружились стаями скворцы,
В деревне вышли на дорогу:
Стоял с коляской мотоцикл.
Солдаты с ловкостью артистов
В своих рубахах били вшей.
Один вскочил – у мамы быстро
Сережки вынул из ушей!
Другой, в коляске, с толстой холкой,
Сидел и ржал, как жеребец.
Мать со слезами втихомолку
Шепнула: «Ты такой подлец!»
Все получилось так нелепо
И я ему кричал: «Не тронь!»

Он автомат схватил свирепо
И мне лицо обжег огонь.
И пули пролетели рядом...
Назад нам серьги не вернуть.
Фашист орал и с волчьим взглядом
Успел ногою меня пнуть...
Конец войне, но длились муки:
Трудился в поле стар и млад,
И я мозолистые руки
С землю русскою сжимал...
В конце июня мать собрала
Два чемодана огурцов.
На ближней станции орала
Ватага бритых огольцов.
Билеты в кассе не давали:
Мест не хватало в поездах!
Вагоны крепко закрывали –
На крыше ехал я тогда...
С вагонной крыши вижу город
И впереди огромный зал.
Привез меня «Сущевский» поезд
На шумный Витебский вокзал.
Доехать до Сенного рынка
Помог изученный трамвай.
На рынке люди говорили:
«Смотри, парнишка, не зевай!»
Я чемодан раскрыл и руку
Тянул за свежим огурцом,
И брал по пять рублей за штуку –
И через час я стал купцом...
Вернулся утром я в деревню
И непогоду не корил.
Сережки в розовой коробке
С любовью маме подарил.

Освобождение

Подняли нас окриком жгучим
Впотьмах в августовскую ночь.
Грузились, в машинах могучих
От лагеря ехали прочь.
На фронт привезли. За бурьяном
И между ночных хуторов
Копали на поле овсяном
Траншею до самых дворов.
К обеду тревогу забили:
Летят самолеты вдали!
Одиннадцать троек бомбили,
Снижаясь до самой земли.
Крестился с лопатой в траншее
И с Богом налаживал связь,
А рядом с биноклем на шее
Конвойный ударился в грязь.
Одиннадцать троек всё ближе.
От страха язык пересох.

Я в узкой траншее все ниже,
Как крот, зарывался в песок.
И с визгом летели снаряды,
С шипением мины рвались.
И танки зеленые рядом.
Казалось, окончилась жизнь!
И танки, рыча от нагрузки,
Обрушили огненный шквал.
«Ура-а-а!» - Загудело по-русски.
Я землю, как мать, целовал...

Я помню

Ракиты слезы обронули,
Закат вечерний нас приветил,
Солдат мы с мамой хоронили.
Над нами выл полночный ветер...

Я помню горе в те моменты:
Молилась мама со слезами...
И ворох, ворох документов
Дрожал в избе под образами.

Концлагерь Освенцим

Концентрационный лагерь Аушвиц (Освенцим) находился недалеко от места, где сливаются две реки – Висла и Сола, по прямой линии на юго-запад от Кракова около 60км и примерно 30км на юго-восток от Катовиц.

Концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау был самым большим не только с точки зрения территории и количества находившихся в нем узников; он был самым страшным и нечеловеческим по масштабам и средствам уничтожения. В фашистской полицейской системе управления третьего рейха он выполнял две функции, а именно:

1. Был концентрационным лагерем, в котором экстерминация узников осуществлялась постепенно, начиная с психически-физического уничтожения, затем умертвления больных, слабых, неспособных работать узников при помощи укола фенола в область сердца и, наконец, уничто-

жения газом “циклон-Б”. Кроме того производились массовые расстрелы и повешения узников.

2. Это был центр уничтожения тысяч людей при помощи “циклона-Б” сразу же после прибытия в лагерь. Для остальных - это медленное уничтожение при помощи рабского труда.

Лагерь все время расширялся. За неполные пять лет существования из небольшого лагеря вначале, он превратился в огромный комплекс, состоящий из десяти лагерей. В него, кроме главного лагеря, называемого Аушвиц – 1, входили лагерь Бжезинка, называемая Аушвиц – 2 и лагеря в Моновицах с его подсобными лагерями в Силезии Аушвиц – 3.

Экстерминация евреев началась еще в январе 1942 года, когда в Освенцим для уничтожения прибыли эшелоны из Верхней Силезии. В это же время велись работы в “Бжезинке”, в доме, который был выбран Эйхманом и Гессом для газовой камеры. Этот дом обозначили “бункер № 1”, затем вошел в строй бункер № 2. В бункере № 1 были две газовые камеры, куда заталкивали сразу 800 человек; в бункере № 2 были четыре камеры на 1200 человек. В обоих бункерах были отдельные входы и выходы; на входных дверях была надпись “в баню”, а на выходных – “на дезинфекцию” (с внутренней стороны дверей). За ними было открытое поле, куда выбрасывали трупы из газовых камер. В обоих бункерах отверстия, через которые впускали газ, находились в стенах. Около первого бункера построили два барака – раздевалки, а около второго – 3 раздевалки. В них оставляли свою одежду люди, шедшие в газовые камеры.

Уничтожение, по описанию Гесса, происходило в Освенциме следующим образом. Евреев или лиц других национальностей приводили в раздевалку и говорили им, что они должны вымыться и пройти дезинфекцию. Раздев-

шись, люди шли в газовую камеру, где в потолке были имитированы душевые установки и водопроводные трубы, что создавало впечатление бани. Сначала входили женщины и дети, а потом мужчины. Затем двери быстро закрывали, завинчивали, и тотчас дезинфекторы из СС вбрасывали циклон-Б через отверстие, находившееся в потолке. Газ специальными каналами спадал на пол. Результат действия газа можно было видеть уже через 5-10 минут.

Через полчаса двери открывали, выключали вентиляцию и выносили трупы. У трупов выдергивали золотые зубы, у женщин срезали волосы, а потом перевозили трупы в печи крематория.

Число людей, направляемых в лагерь для работ из еврейских эшелонов равнялось в среднем 10% всех людей, которых привозили в Освенцим для уничтожения. Например, 1-2 октября 1942г в газовых камерах было уничтожено 5812 узниц, в феврале и марте 1943г – 3492 человека.

За 4 года и 7 месяцев существования лагеря Аушвиц-Биркенау в нем погибло 340 000 зарегистрированных узников.

Л. К. Федорова

Людмила Константиновна родилась в Лужском районе, в деревне Затуленье в 1940 году.

В 1958 году окончила училище. Получила специальность техника-полевода. Отработала в сельском хозяйстве три года. С 1960 года – жительница города Луга. В 1970 году окончила медицинское училище и вот уже 35 лет работает в медицинских учреждениях города, сначала в

поликлинике, затем медицинской сестрой травматического отделения Лужской больницы.

Бывший малолетний узник концлагеря «Освенцим».

Мы были в концлагере Освенцим

Зимой 1944 года, точно не помню дату, фашисты ранним утром окружили деревню Затуленье, в которой мы тогда жили, и стали выгонять всех жителей из домов.

Некоторым удалось сразу уйти в лес, он был рядом. Мы тоже побежали в лес: я, моя сестра Нина, мама и тетя. Но немцы выпустили овчарок, они с лаем быстро догнали нас. Одна из них опрокинула меня в снег и стала рвать. Когда подошли немцы, я лежала в крови на снегу, без сознания. Немцы, кинув взгляд в мою сторону, решили, что я мертвая и не разрешали моей матери меня забирать. Но мама ревела, умоляла, стояла на коленях, чтобы они раз-

решили меня взять. И фашисты сжалились. Мама схватила меня на руки, прижала крепко к себе и так шла до деревни. В деревне слышался отчаянный плач, стон. Жители стояли на холоде, в основном женщины и дети, а вокруг вооруженные немцы с овчарками. Мы примкнули к толпе. Немцы подогнали машины и стали заталкивать нас внутрь фургонов, как скот. Когда мы оглянулись, дома наши горели. У нас было два дома, оба фашисты подожгли.

Затем нас повезли в Лугу. Мать отогревала мне руки, ноги непрерывно, прижимала к себе, чтобы согреть. Я была в изодранной одежде, вся израненная клыками овчарки, но мама говорила, что я не плакала: наверно, был шок.

Машины остановились у железнодорожного вокзала. Подали товарняк, и немцы стали загонять всех в вагоны. Затем закрыли двери наглухо. И только один раз за все время, что мы были в пути, нам открыли дверь, чтоб навести порядок и вынести тех, кто умер. Нас не кормили и не поили. Мама говорила, что я была как мертвая, и она боялась, чтобы не донесли об этом немцам.

Поезд остановился в Польше. Разгрузили нас в каком-то городке, я точно не помню, и оттуда снова на машинах, а потом пешком нас погнали в концлагерь. Он назывался «Освенцим». По прибытии в концлагерь нас разделили на группы: детей в одну сторону, женщин в другую, мужчин в третью. Когда немцы увидели, что я такая слабенькая, что не могу на ногах стоять, мне было чуть больше трех лет, они меня отправили в барак, где находились больные дети. Нас там не лечили, только на третий день пришла комиссия и стали нас кормить. Ухаживали за нами пленные узники, были среди них и хорошие.

Сама я не помню, но мама мне рассказывала, что однажды, рано утром, объявили, что мы идем все мыться в баню. Нас выстроили рядами и повели. Перед входом был указатель - «баня». Все обрадовались, так как не мылись

давно. В баню набили много народу. Закрыли двери. Одежду сняли у входа. Но вдруг многим стало плохо. Как мы поняли потом, фашисты хотели всех отравить газом, но что-то там произошло не так, и газу вышло немного. Фашисты заставили всех живых снова одеться, а мертвых унесли.

В Освенциме мы пробыли полгода. Затем нас перебросили в Германию, в город Штутгарт.

Там нас разместили в бараке, маму и тетю заставили работать на заводе: что они там делали мать - никогда не говорила. Мы с Ниной жили отдельно в бараке. И хотя мы были маленькие, нам фашисты тоже нашли работу. Мы должны были убирать отходы, носить готовые корзины на склад. Была надзирательница, которая следила за каждым нашим шагом. Она ходила с хлыстом. Кормили один раз в день турнепсом или репой. На ужин давали кусочек хлеба. У детей был рахит, кривые ноги, многие еле ходили.

Затем нас снова погрузили в товарные вагоны и повезли в Чехословакию. Это был уже 1945 год. Фашисты зверели с каждым днем. Когда мы оказались в Чехословакии, нас загнали в какой-то разрушенный дом, закрыли на засов и куда-то исчезли. Мы там находились без еды и питья целую неделю, пока не наткнулись на наш дом чехи. Они выпустили нас из сарая. Ну а тут пришло скоро и освобождение. Сколько нашей семье пришлось пережить, словами не передать.

Голод, холод, избиения, постоянный страх смерти: просто чудо, что мы, пройдя все ужасы концлагерей, остались живы.

В. Н. Михайлов

Владимир Николаевич родился в 1931 году в городе Луге. До войны окончил два класса. После войны окончил ФЗО №17. Получил специальность плотника. Четыре года отслужил в Армии. Работал на восстановлении тигельного завода, хлебокомбината и жилых домов. Около сорока лет отработал на УПП. Бывший малолетний узник немецкого лагеря в городе Эбенген.

Сестра, Нина Николаевна Галактионова, 1938 года рождения, сорок лет отработала воспитателем в детском садике завода «Белкозин». Награждена знаком «Отличник народного просвещения». Находилась вместе с братом в лагере.

Такое не забывается никогда

В нашей семье были еще два брата старше меня. Отец работал в милиции. Жили мы в Луге, наш дом сохранился до нашего времени.

Отец в первые дни войны ушел на фронт, и только из «Книги памяти» мы узнали, что он погиб под Волховом в 1943 году.

Когда немцы начали наступление на Лугу, мы решили эвакуироваться, но с Лужского вокзала уже не было возможности уехать. Мы отправились пешком на Оредеж с небольшими узелками. Около деревни Мерево немцы нас догнали и вернули в город. В городе уже хозяйничали оккупанты. Запасов еды у нас не было, первое время мать ходила по соседним деревням, меняла вещи на картошку, капусту(хлеба никто не давал), а затем ходили побираться, просили у немцев. Иногда они заполняли наши самодельные баночки супом, а то нередко давали пинка под зад, и им от этого было весело - хохотали.

Через некоторое время я пошел на Биржу труда. Меня приняли на работу - разбирать завалы на бывшей электростанции. Работали вместе с военнопленными, затем работал на стройке – носил кирпичи в козлах на спине по трапу. Охраняли нас немцы с собаками. Мне работать приходилось со взрослыми мужчинами и выполнять тяжелую работу, хотя мне едва исполнилось одиннадцать лет.

Наступил 1944 год. Немцы везде устраивали оцепления, и мы не смогли скрыться в лесу в районе деревень Ведрово и Корпово, как хотели. И вот в феврале в 5 часов немцы оцепили наш дом, всех выгнали на улицу и погнали в сторону тигельного завода. За заводом стоял поезд с товарными вагонами. Убежать было невозможно. Загрузили в состав, закрыли двери наглухо и отправили. Куда? - Никто не знал. Ехали несколько суток – ни еды, ни воды. Ночью прибыли в г. Эбенген. Выгрузили нас и погнали в лагерь на окраину города. Утром построили в шеренги, каждому дали номер, выдали нашивки по национальности и деревянные колодки. Через переводчика нам объяснили, что будем работать на заводе “Геринг”, изготавливать сверла для военной промышленности и должны строго выполнять распорядок дня. В проходной висели большие часы, и мы должны были в щель часов опускать пропуск, на котором

отражались не только минуты, но и секунды нашего прихода на работу и ухода. За опоздание – избивание плеткой. Я возил на тележке заготовки и сверла из одного цеха в другой. Было тяжело. Кормили баландой из гнилой брюквы и турнепса. За провинность отправляли в карцер. Так мы работали до мая 1945 года. Сестра жила отдельно в бараке.

Освободили нас американцы, отправили в советскую зону, в проверочно-фильтрационный лагерь НКВД № 301 в Венгрии. В сентябре 1945 вернулись на родину в Лугу. Дом наш был занят, нас отправили в Долговский лесопункт. Там поселились мать, я и сестра. Мать была инвалид по зрению. Мне пришлось работать в лесу в 14 лет наравне со взрослыми, выполнять такую же норму.

В 1947 году вернулись в Лугу, получили комнату восьмиметровую в Быковой деревне. Жизнь стала налаживаться.

Сестра Нина пошла в 1 класс (первая слева) в Долговской школе

М. А. Пухова

Муза Александровна родилась в деревне Гежесельга Вознесенского района Ленинградской области в 1937 году. В 1954 году закончила школу, затем закончила Лодейнопольское педучилище. После окончания получила направление на работу в Лужский район. Заочно получила высшее образование. Педагогический стаж составляет 50 лет. Отличник народного просвещения.

Бывший малолетний узник финского лагеря № 3 города Петрозаводск. С 2007 года секретарь Совета БМУФ.

Финский лагерь

В сентябре 1941 года к поселку Вознесенье стали приближаться финны. Наша деревня находилась на пути их. Нас целыми семьями вместе со скотом погнали в поселок к переправе через реку Свирь. У переправы на левом берегу Свири коров отобрали. Людей перевезли на пароме, посадили в машины и повезли в Карелию. Наша семья состояла из шести человек (мама и пятеро детей). Как-то на остановке мама зашла в дом, чтобы перепеленать младшего братика 1940 года рождения и отстала от нас. Мы потеря-

лись, но потом в Петрозаводске встретились, нас отвели в лагерь № 3. По дороге мама отправляла меня просить у финнов галеты или что-нибудь для ребенка. Жили мы в бараке, в каждом углу комнаты по семье, спали на полу. В петрозаводских финских лагерях фашистами был установлен свой порядок. Здесь не было газовых камер и крематориев, но здесь был придуман способ уничтожения людей голодом и непосильной работой.

В 1942 году мой младший братик скончался. Когда мы бываем в Петрозаводске, то кладем цветы на детский холмик, точное место не знаем. В первые месяцы войны умирали старики и дети. Из нашей деревни Гежесельга умерли 12 детей и подростков в 1941 - 1942 годах. Мама и старшая сестра 17-ти лет работали на лесозаготовках, приходили в барак еле живые. Подростки и среди них двенадцатилетний брат убегали за проволоку, рылись в помойках в поисках съестного, подходили к походным кухням. Брат Анатолий был основным снабженцем, он приносил нам отходы от еды финских лошадей, это была хорошая добавка к той ложке муки, которую давали каждому узнику. Варить муку было не на чем и не в чем. Ели, запивая водой. Правда, иногда открывались ворота лагеря, и кто мог идти, конечно, под конвоем, шел с котелками, баночками за водой, брали ее из озера. Пойманных за проволокой подростков сажали в сарай, а потом били плетками. Матери подростков старались передать им одежду, чтобы легче было пережить все это. К счастью, брат мой попал к палачу, который бил раз по земле, раз по человеку, второй палач был более жестоким.

Старшая сестра однажды три ночи скрывалась в лесу, не приходила в барак, ее должны были наказать за невыполнение работы, но потом худенькой семнадцатилетней девчонке весом 46 кг простили это, бить не стали.

Вот несколько картинок финских лагерей, они о многом рассказывают.

Здесь есть и дети из Вознесенья

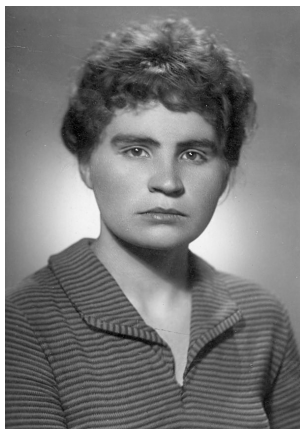
28 июня 1944 года, в полдень, воинам – освободителям салютовал Петрозаводск.

Приехали мы домой летом, в нашем доме у немцев был гараж, огромные черные двери вместо окон смотрели на дорогу. В доме проживали семь семей. Мы тоже стали там жить. Было очень трудно. В деревне продолжил работать колхоз, наша мама возглавила бригаду полеводов и за высокие показатели в выращивании картофеля (400 ц. с 1 га) была награждена Орденом Трудового Красного Знамени. Мама была неграмотная. Кончила один класс. Я ходила с ней по полям, помогала ей считать, и так мы с ней вели ведомости колхозные.

Отец и наш старший брат в начале войны эвакуировались с судоремонтным заводом, брат вернулся и умер в 1947 году. Отец пропал без вести.

Л. Л. Сосницкая

Людмила Леонидовна родилась в поселке Толмачево. В 1958 году окончила Толмачевскую среднюю школу. В 1961 году окончила Ленинградский техникум деревообрабатывающей промышленности. Работала по направлению на Сортавальском МЛК мастером, технологом. Заочно закончила ВИСМ. С 1986 года работала на Лужском комбикормовом заводе инженером отдела кадров. На протяжении многих лет вела активную общественную жизнь. С 2002 года внештатный сотрудник общественной приемной «Лужская Правда». Является автором трех поэтических сборников и нескольких сборников в соавторстве с другими поэтами. Бывший малолетний узник немецкого концлагеря «Стропишен – Пранкшен» в городе Данциг.

Через ужасы концлагерей

Вечером 23 августа 1941 года последние наши военные части оставили Лугу, и утром следующего дня немецкие захватчики вошли в город. В это время мы жили в Оредеж-

ском районе у бабушки, переехав к ней из поселка Толмачево сразу же после объявления войны.

Моя бабушка, Васса Федоровна Васильева, до войны работала председателем колхоза и жила в просторном доме над рекой. Я помню, в ее доме была большая комната, посередине которой стоял стол, а вдоль стен много скамеек. Здесь собирались сходы сельчан. Нам, как и многим другим, не удалось уйти с нашими войсками в тыл и пришлось испытать все ужасы фашистской оккупации. Уже в первые дни началась жестокая расправа с мирным населением, начались казни людей.

Малолетний сын бабушки Иван с первых дней войны ушел в партизаны. Несколько раз он по ночам приходил за хлебом, который бабушка пекла для партизан. Но однажды, когда он выходил из леса, его поймали и отправили в гестапо. В этот же день группа немцев ворвалась к нам в дом. Оттолкнув маму и нас, троих детей, они направили автоматы на бабушку. Через переводчика допытывались у нее, где находятся партизаны. Бабушка была с твердым характером и говорила одно: никаких партизан не знает, а сын ее Иван никогда партизаном не был.

Гитлеровцы приказали ей встать к стенке и навели на нее автоматы. Раздались выстрелы. Мы все разом заревели и бросились к бабушке. Несколько пуль вошло в стенку и потолок, не задев бабушку. Фашисты, оставив за домом засаду, уехали на мотоциклах. Сын ее Иван был зверски избит в гестапо.

В сентябре 1943 года оккупанты издали приказ о поголовной эвакуации всего населения из оккупированных областей. Нам дали несколько часов на сборы, дома облили бензином и подожгли. Под конвоем погнали на станцию, где погрузили в эшелоны и отправили на чужбину в концлагерь. Там, за колючей проволокой, мы жили в наспех построенных дощатых бараках с нарами в три яруса.

От холода, голода и болезней ежедневно умирали люди, в первую очередь гибли дети. Кормили, как скот, – брюквой. Я помню, как мы с братьями подолгу стояли у проволоки, высматривая немок, иногда они нам подавали кусочки белой хрустящей булки. Всех, кроме стариков и маленьких детей, отправляли ежедневно на тяжелый, каторжный труд. Все с нетерпением ждали Победы.

И Победа пришла. Наши войска бомбили город Данциг, снаряды летели над нами, а мы, укрывшись, наблюдали. Лишь один снаряд по ошибке упал на территорию концлагеря, но никто не пострадал. И вот, наконец-то, появились наши освободители, с воспаленными веками, очень усталые. Женщины выносили им ведра с водой. Солдаты пили, вытирали пот и снова устремлялись вперед догонять боевых товарищей. Какой-то солдат, на минутку присев около меня на корточки, погладил по голове и положил на мою ладошку несколько кусочков сахара.

Не все дождалось Победы! Но те, кто остался жив, до сих пор не забыли ужасы фашистской оккупации и концлагерей. Я вспоминаю слова мамы: «Если бы мне Бог сказал: «Пройди все эти муки ада снова, и я подарю тебе молодость»,- я бы не согласилась».

Давайте вспомним...

Смотрите, я совсем седа,
Хотя причина - не года.
Не страх животный в ночь одну
До срока дал мне седину.

И не пустыни жгучий зной,
Не ветра стылого разбой,

Вручил мне отпечаток свой.
Концлагерь стал тому виной...

О грозной той поре сейчас
Я начинаю свой рассказ:
О бабушке, чей добрый свет
Не угасает столько лет.

Заботами окружена,
Крутилась, как волчок, она.
Так бескорыстно всех любя,
Для нас жила, забыв себя.

И был наш дом таким большим,
И было все в нем для души,
Но вскоре этот чудный дом
В войну врагами был сожжен.

Об этом позже. А пока
Вокруг душистые луга,
Отец, мать, Юра, Леня - я
И бабушка - моя семья.

Объят весь край был тишиной.
И тучи плыли стороной,
И при попутном ветерке
Скрывались где-то вдалеке.

Казалось, будет так всегда,
И не придет в страну беда,
И будут песни все свои
Дарить всегда нам соловьи...

Внезапно вспыхнула война,
Кровопротитием полна.

Полна отвагой и мечтой
И безысходною тоской.

Как океан без берегов,
Военный мир жесток, суров.
Непредсказуемый он был,
Он души ни за что губил.

Я помню, как фашист-злодей
Вел на расстрел не раз людей.
И падал человек на снег,
В расцвете сил прервав свой бег.

Ни вздоха скорби на устах,
Лишь небо синее в глазах.
Терзанья смертные презрев,
Еще влюбиться не успев,

Он гас, недвижим, молчалив,
Но не был он душой труслив.
Так гаснут звезды в небесах!
Так падают дубы в лесах!

Ничто нельзя уж изменить,
Дано нам много пережить.
И под фашистским каблуком
Стонал наш ненаглядный дом.

Ворвался в дом наш полицей:
«Где партизаны? Отвечай!» -
Кричал он бабушке моей
И извивался, словно змей.

Ей дуло наставлял в висок,
Летели пули в потолок.

И думали мы все – конец...
Нас не спасет сам Бог - отец.

Почти что смерть принять пришлось,
Но, слава Богу, обошлось...
Дыша невзгодой одной,
Старались не упасть душой.

Надежды тешили все зря.
Приказ один - в концлагеря.
Сожгли фашисты каждый дом,
Деревня стала пустырем...

Стоим с узлами. Плач и стон.
Все это быль, все быль, не сон.
Прощайте грустные поля,
Леса, родимая земля...

Нам перекрыты все пути,
И выхода уж не найти,
Как будто опустилась тень,
Не разобрать, где ночь, где день.

Вагон, оцепленный стоял,
По одному людей глотал.
Казалось, места больше нет
Для тех детишек разных лет,

Для скарба, для мешков, узлов,
Для горьких слез, для бранных слов...
Без памяти, без бытия
Лежала на узлах и я.

Температурой мозг кипел,
А рядом с сердцем чирей зрел.

Вздыхали бабушка и мать –
Дите так можно потерять...

И веял от стены сырой
Какой - то холод гробовой.
То была тьма без темноты,
То была бездна пустоты.

Наверно, Бог меня жалел,
Надеждой сердце тешил, грел...
И вот... ночлег у латышей,
И женский голос все слышней...

И разговор тот был про мазь,
И про таблетки, и про грязь,
И про целительный рецепт,
Что всех спасал от многих бед.

Латышка, нас к себе приняв,
Давала мне настои трав.
Меня к латышке на постой
Послал сам Бог или святой...

Опять удушливый вагон,
Людьми набитый, горем полн.
День приходил, день уходил,
Крылом бездушия кружил.

И близился конец пути,
Все тяжелее вдруг в груди.
Душа рыдала и рвалась,
Слезами наслаждаясь властью.

Концлагерный барак - тюрьма,
Нас, узников на нарах, - тьма...

И проволока в три ряда,
А дальше - серых гор гряда.

И холод вдруг со всех щелей
К сердцам истерзанных людей
Припал, казалось, обхватил,
И человек забыл, кем был.

Светился где - то огонек,
Но путь к нему был так далек
И надо было все забыть,
Чтобы несчастья пережить.

Одна лишь брюква - вот еда,
Таскали ноги нас едва.
Глаза тускнели из-под век...
Но не был сломлен человек!

Чтоб выжить, надо было есть,
Упрятав в сердце гордость, месть.
Людей гоняли на завод,
И ныли плечи от работ.

И человек худел, худел -
Не человек - скелет смотрел.
Глаза запали, нос торчал,
А на «скелет» фашист кричал...

Куда исчезла нежность лиц?
Куда исчезла крепость мышц?
Вдруг человек ослабевал
И в одночасье погибал.

Без слез, лишь помня о своих,
Далеких близких и родных.

Глаза глядели на восток,
Где сердца милый уголок.

Где Родина его была,
Хоть и врагом осквернена,
Но сердце билось там сильней,
И солнце грело горячей.

Там был прелестный островок,
Забыть который он не мог.
Там лебедь крыльями играл
И, наигравшись, ввысь взлетал.

И таял, словно птицы крик,
Невольника последний миг,
Его без гроба погребли
В холодном чреве той земли.

В концлагере мы целый год...
Четвертый год войны идет,
И всем заметен перевес –
Победный звон с родимых мест.

Еще немного потерпеть,
В грязь не упасть и не сомлеть.
О как утешен, сладок он –
Победный этот перезвон.

И снился сладкий сон цветной
Про наш далекий край родной.
Душа воскресла, ожила,
Освобождения ждала.

За каждый дом, за пядь земли,
Сражаясь, к нам солдаты шли.

Свистел снаряд один, другой
Почти над самой головой.

Ура- раскаты до утра!
- Ура! - кричала детвора!
Светились лица матерей:
- На Родину скорей, скорей.

И вышли мы своих встречать,
Но некогда им нас обнять,
Неслись быстрее, чем стрела,
Фашистов смерть везде ждала.

Не спрятался из них никто,
И не звучал вопрос - за что?
Открыты двери, ветер в грудь...
Открыт на Родину нам путь.

На волю из неволи мы
Шагнули из своей тюрьмы.
Как труден был тот путь побед!
Потерь таких не видел свет...

Память сердца

Война пришла, нам детство оборвала,
Игрушки растоптала сапогом,
Подобно огнедышащему валу,
Нас обжигала на пути своем.

Глаза войны убийственно глядели
Сквозь едкий дым, сквозь грохот и печаль,
Пожарищ рыжеватые кудели

Стремилась ввысь, в оранжевую даль.

Мы, дети, крепко узелки сжимали,
С тоской глядели на горящий дом...
Что будет с нами, мы еще не знали,
Не знали мы, куда, зачем идем...

А впереди была дорога в пропасть,
Детей по ней везли в концлагеря,
И душу жгла и ранила жестокость,
Окрасилась в кровавый цвет заря.

О сколько нас, детей больших и малых,
Окажется в стенах концлагерей.
О, сколько слез в глазах потухших, впалых,
Отмеченных печатями смертей.

И не заставить замолчать нам память,
Как не заставить литься речку вспять.
О, что еще так сердце может ранить?
Не допусти, Господь, войны опять.

Не вспоминай

Забывать бы мне злодеяния тех времен,
Уйти от них, не вспоминать их даже,
Где ореолы вражеских знамен,
Где стук и лязганье винтовок стражи.

Где старики и дети у огня,
Где очередь большая за баландой,
Где постоянный страх сковал меня,

И днем и ночью мучил неустанно.

Чужой язык как будто резкий хлыст
И взгляд убийственный, как нож из мрака.
За что? Ребенок бескорыстен, чист.
За что сидел в концлагерном бараке?

Не вспоминай о том, прошу себя.
Другое время и другие люди.
Они, наверно, не поймут тебя,
И лучше оттого тебе не будет.

Лужский рубеж

Не забудешь вовек, Луга, ты
Те военные дни, те печали,
Как бомбили дома и мосты,
Как зенитки огнем отвечали.
Возводили вокруг рубежи,
Оборону солдаты держали,
Но военной поры виражи
Не под силу нам были вначале.
Сорок пять дней и жарких ночей
За тебя мы упорно сражались,
И пришельцев фашистских кровей
Ненадолго, но все ж задержали...

В. Э. Дудник

Валентина Эдуардовна родилась в 1939 году в поселке Струги Красные Ленинградской области. В феврале 1944 года ребенком была вывезена в Германию. После освобождения долго болела. В 1957 году окончила школу, пошла работать в узел связи. Вышла замуж за военного, имеют с мужем двух сыновей, двух внуков. В Луге проживают с 1985 года. Работала бухгалтером – кассиром. На заслуженный отдых вышла в 2000 году.

На снимке:
Мялло Евдокия Ивановна в фашистской неволе – мать Валентины Эдуардовны Дудник.

Никогда не забуду

Немцы забрали нас из землянок, в поселке Струги Красные с 21 на 22 февраля 1944 года затолкали в товарные вагоны и повезли. В эту ночь забрали очень много людей, целый эшелон везли без остановок двое суток. Как это было, не помню, мама говорить не могла, плакала. Привезли нас к голландской границе, недалеко было море. Все семьи роздали бауэрам, то есть управляющим сельскохозяйственными предприятиями.

Мама, я и бабушка попали к немцу Према. Мамины сестры оказались за 40-60 километров от нас, рядом с городком Карамзин, чуть дальше Эмдена.

Женщины и дети жили у хозяев, мужчины жили в лагере, их конвоиры приводили на работу утром, вечером уводили. Мама работала в поле, бабушка по дому. Жили мы в комнате, за ней сразу были хозяйственные постройки для скота, стены комнаты – из кирпича, пол цементный, в углу колодец, под полом водохранилище – туда собирали дождевую воду скоту и на другие нужды.

Себя я помню как со стороны: маленькая девочка, завязанная вязаным платком подмышки.

Ни бабушку, ни маму я не видела до ночи, моим надсмотрщиком была 11-летняя дочь хозяев Циля. Она учила меня говорить по-немецки, лупила, оттягивая щеку, била ладошкой. Я ходила всегда с опухшим лицом, а мама думала, что почки отказали.

Один раз военнопленный, приведенный на работу, увидел, как издеваются надо мной, отобрал меня и бросился в драку с хозяином и его дочкой. Его сразу увели, мы его больше не видели.

Всех, кто провинился, били, дубинкой. Маме выбили зубы, бабушку били по спине и плечам, потом все время болели руки.

К нашему хозяину приводили на работу военнопленных из лагеря: французов, русских, узбеков и других. Мы помним Алешу, двух Иванов: один был из Киева, другой из Москвы. Они всегда мне приносили гостинцы. Помог нам выжить узбек Исак. Мама доила двадцать семь коров, но взять кружку молока мне не могла, боялась, что забудут за это, и я останусь тут навсегда, но мы свято верили, что вернемся домой. В декабре 1944 года я заболела воспалением легких, ослабла, почти не ходила. Исак крал мне молоко и яйца. Он вообще всех кормил и еще в лагерь унести умудрялся. К весне я начала понемногу ходить. Наши войска подошли к Берлину, стало полегче. Немцы стали побаиваться военнопленных: во многих хозяйствах начали бунтовать, требовали еду, а не баланду.

Освободили нас союзники 14 мая, вошли танки, самоходки. Переводчики, обращаясь к хозяевам, сказали, чтобы они хорошо кормили нас, можно было не ходить на работу.

В июне всех перевезли в лагерь для перемещенных лиц в город Занда. Это военный городок. Кого там только не было: белорусы, латыши, русские, украинцы, поляки, чехи, но больше русских. Это была территория американцев и англичан. В этом городе была лишь русская миссия, помогавшая нам вернуться на родину. «Добрые дяди» приходили к нам, обещали деньги, благополучие, агитировали переезд в Бразилию, Аргентину. Много западных украинцев и поляков уехали, а мы все хотели домой. Возглавлял эту миссию капитан Мусин. Очень нелегко было вернуть нас домой. Несколько раз отъезд откладывался, все тянули. Наконец, где-то в конце августа начали грузить на машины, чтобы перевезти в русскую зону.

Мусин погиб в автокатастрофе, но документы успел передать в русское посольство, и нас повезли домой. Везли людей в грузовиках, в открытых кузовах. Ехали по пон-

тонным мостам через Одер, Вислу, видели Берлин в руинах. В Польше наши автопоезда обстреливали «лесные братья».

В Белоруссии нас пересадили в эшелоны, домой приехали в октябре 1945 года.

Когда мы ехали по Германии, Польше, на нас из самолетов бросали листовки, на одной стороне которых был портрет Сталина, на другой написано: «Добро пожаловать, братья и сестры на Родину».

В Польше, в городе Щецине, я заболела, мама думала, что корь, завернула в одеяло, снимала с машины только в туалет. Она думала, что если я умру, она никому об этом не скажет и довезет меня домой похоронить.

Но я выжила. Сейчас уже родственники, бывшие со мной, все умерли.

Частушки моей мамы

Не забыть мне год сорок четвертый никогда.
Ах, боюсь, останусь я у немцев навсегда.

Успокой полетом быстрым, русский самолет скорей,
Бей их с запада, с востока, фрицев – сволочей.

Разбомбили города, разбомбили села.
Немцы сели в бункера и жужжат, как пчелы.

Гитлер тоже сел туда, заорал, как сатана...
Что же делать, господа? Всё – проиграна война.

Л. А. Сосновская

Людмила Андреевна родилась в 1935 году в Оредежском районе. После войны окончила восемь классов. Работала заведующей клубом в деревне Белое, Поддубье. Затем двадцать два года отработала на Лужском абразивном заводе. Имеет много поощрений за свой труд. Ветеран труда. С 1954 года жительница города Луга. Содержалась с мамой, сестрой и братом в концлагере № 565 г. Данциг.

Выглядели мы, как скелеты

Мы, семья из четырех человек: мама, сестра, брат и я были угнаны из деревни Хрепелка Оредежского района.

Сначала нас привезли в Латвию, мама и сестра работали у хозяина, ухаживали за скотом.

Потом пароходом отправили нас в Германию. В распределительном лагере нам выдали по кусочку мыла и тазы, но помывки не было, нас осматривали на предмет отправки в другие лагеря. В Германии нас перегоняли из города в город: Сентенберн, Друден, Бреслау, Бранденбург и, наконец, Данциг, лагерь № 565. Дети в этом лагере жили отдельно, мама приходила очень редко. В бараке были двухэтажные нары, мы сидели на грязной соломе, вши буквально грызли нас. Мой брат был весь изъеден так, что почти не было кожи. У нас брали кровь для немецких сол-

дат. По бараку часто прохаживалась очень красивая женщина в длинных сапогах и брюках-галифе, с плеткой в руке, на кончике которой был гвоздик. Она размахивала ею, было очень больно и часто била ни за что. А вот мужчина приглашал в кабинет и угощал чем-нибудь. Не помню, чтобы у нас был обед или ужин, помню, иногда прямо на нары давали кусочек булки. Выглядели мы как скелеты. Иногда мы вылезали из барака, на территории лагеря валялись трупы.

Мама и сестра работали на заводе, у каждого узника был свой номер.

Освободили нас в 1945 году, мы приехали домой только осенью. По дороге следования наши мамы сочиняли на ходу и пели песни.

Одну из таких песен я запомнила.

Всё васильки, васильки,
Много у нас их в России.
С нашей родимой земли
Нас увозили насильно.

Слышались стоны кругом,
Немцы с оружием ходили.
Мы покидали свой дом,
Вслед нам деревни палили.

Вот, наконец, повезли.
С Родиной мы распрощались.
Горько залились слезами,
С домом навеки расстались.

В Латвию прибыли мы,
Стали там батраками.
Нас не считали людьми
И издевались над нами.

Н. Ф. Филимонов
И. М. Филимонова

Николай Федорович родился в 1936 году. Поступил в 1956 году в Беседский сельскохозяйственный техникум. Получил специальность агронома широкого профиля.

Работал в колхозе «Лужский». Закончил заочно экономический факультет Ленинградского сельскохозяйственного института, получил специальность ученого агронома – экономиста.

В 1972 году награжден знаком «Отличник сельского хозяйства СССР». С 1974 года – главный агроном совхоза «Новое время».

С 1974 года признан лучшим главным агрономом Ленинградской области. С 1979 года многие годы работал директором совхоза «Мичуринский». Житель Луги с 1965 года. Бывший малолетний узник.

Жена, Инна Михайловна тоже малолетний узник. Находилась в немецком лагере в Литве. Затем трудилась сорок два года в сельском хозяйстве Лужского района.

Этого забыть нельзя

Мне, бывшему малолетнему узнику, хочется немного вспомнить события своего детства в годы Великой Отечественной войны и рассказать, как сложилась дальнейшая наша судьба.

Родился я в большой крестьянской семье в деревне Глядино Ломоносовского района. Это в 25 километрах от Ленинграда. У родителей нас было шесть детей: четыре брата и две сестры.

Родители и старший брат трудились в колхозе. Внезапно нагрянула война, и уже в сентябре 1941 года нашу деревню оккупировали немецкие войска. Жителей выгнали из своих домов, мы вынуждены были скитаться по чужим углам, жили по 2-3 семьи в одном доме.

Мать стирала немецкое белье, отец и старший брат (ему было 9 лет) работали на строительстве дорог. Это был тяжелый труд. Немцы нас унижали, приходилось голодать, жить в страхе.

Ежедневно слышались рев вражеских самолетов и разрывы снарядов. Отсюда велся обстрел Ленинграда.

Так продолжалось ровно два года. В сентябре 1943 года немецкие власти всех жителей деревни насильно погрузили на автомашины и со станции Красное Село грузовым поездом вывезли в Латвию. Там фашисты создали специальные места принудительного содержания русских и людей других национальностей. Многих потом угнали в Германию.

Моих родителей и пятерых детей (младшей было полтора года) отправили на хутор Янайши волости Букайши г. Юцы к хозяину. Взрослых и подростков хозяин заставлял работать на ферме и на полях от зари до зари. Малыши пасли гусей и свиней.

В немецком плену мы находились более года. После освобождения Латвии русскими войсками мы немедленно поспешили вернуться на Родину.

Наш бывший хозяин был "лесным братом", в составе группы войск СС боролся на стороне немцев. Незадолго до прихода советских войск он скрылся в лесу. После этого мы выпустили на волю лошадей, коров, птицу. Взяли с собой двух лошадей и телегу и в сентябре 1944 года вернулись в свою родную деревню. Хорошо, что дом уцелел. Лошадей сразу отдали в колхоз.

Дома нас никто не ждал. Приближалась зима, не было запасов продуктов, не хватало одежды. Только спустя некоторое время стали выдавать продовольственные карточки.

Сразу после окончания войны, после тяжелой болезни я ослеп, ничего не видел полгода. Спасибо врачам: они меня вылечили, но хорошее зрение я потерял на всю жизнь.

На 52-м году жизни умерла наша мама, в это время младшей сестре было шесть лет. Жить стало очень тяжело.

После окончания средней школы и Беседского сельхозтехникума я работал агрономом в птицесовхозе "Восход" Ломоносовского района. Там встретил замечательную девушку, через год мы поженились и вот 47 лет живем вместе в мире и согласии.

Моя жена тоже бывший малолетний узник фашизма. Она вместе с братом и матерью находилась в немецком плену в Литве. Ее мать, очень хрупкая женщина, работала на строительстве дорог, было очень тяжело. Затем немцы начали эшелонами отправлять детей, женщин, стариков в Германию.

Уже на границе, из-за перелома руки у матери, их вернули обратно в Литву на хутор к хозяину, где они работали до освобождения Красной Армией. Им пришлось еще тяжелее, чем нам. Их дом сожгли немцы при отступлении,

приходилось ютиться по чужим домам. Отец погиб на фронте, так и не узнав судьбы своей семьи.

На пути следования поездов с рабочей силой в Германию была Прибалтика. Многим людям из Лужского, Ордежского, Стругокрасненского, Ломоносовского, Батецкого районов пришлось пройти «сортировочные» лагеря Латвии, Литвы, а некоторые из них были взяты, как товар, хозяевами. У хозяев были свои порядки. Многие люди не дожили до Победы, были убиты или умерли от болезней и голода.

Николай Фёдорович,
Активный член Лужского Совета БМУ

В. А. Маркова

Вера Антоновна родилась в 1937 году. Жительница города Луга. В 1943 году увезена в Латвию, где содержалась в лагере № 550 вблизи Лиенаи. После освобождения работала на трикотажной фабрике, затем мастером производственного обучения в ПТУ-25. Занималась общественной работой. Награждена медалью «За доблестный труд», имеет звания «Ветеран труда», «Заслуженный мастер ПТО». В 1999 году избиралась председа-

дателем Лужского Совета БМУФ.

О военном детстве

Хочу рассказать о своем военном детстве. Мне в то время было шесть лет. Когда в 1943 году немцы стали угонять население в Германию, наша деревня в полном составе ушла в лес. Это было примерно в пяти километрах от деревни Большое Замошье Перечицкого сельсовета Лужского района. Как-то к нам зашли партизаны, мама с тетками стали их кормить. Потом партизаны по одному стали выходить из землянки. Мама волновалась, как бы их не обнаружили немцы. Они ее успокаивали. Но только партизаны ушли, послышался лай собак, и появились фрицы. Они выгнали всех из землянки.

Это было 23 ноября 1943 года. Шел снег с дождем. Нас погнали в сторону Луги. Сделали остановку в бывшем доме отдыха. Сколько времени там держали, не помню, нас не кормили и не отапливали дом. А затем погнали в Лугу. Так мы вместе с мамой Ивановой Марией Ефимовной и братом Анатолием оказались в лагере. Сейчас на этом месте находится гостиница «Луга». Запомнилось, что вшей было столько, что люди их не ловили, а просто сметали. Потом нас перевели за речку, где была бойня для скота. Кормили баландой, в которой плавали нечистоты от кишок. А затем погрузили в телячьи вагоны и повезли неизвестно куда. Ехали около месяца, нас часто бомбили. В Латвии около Лиепай мы оказались в лагере № 550. Мама работала с шести часов утра до девяти вечера. Кормили баландой и хлебом с опилками, а вот на пасху выдали по крашеному яйцу. Мы, дети, подползали под колючую проволоку и побирались по хуторам. Немцы, конечно, знали, но не обращали на нас внимания.

Освободили лагерь 9 мая. За бараками стояли немецкие зенитки, и фашисты никак не хотели сдаваться. После бомбежек нашими самолетами от зениток остались одни воронки.

Мы вернулись домой 9 июля 1945 года. Жилья нет, ничего не посеяно. Жили у тети в землянке, снова пухли от голода. У кого с фронта вернулись мужья и отцы, те брали ссуды, которые потом государство простило. А вдовам ничего не досталось. В землянке мы прожили до 1947 года. В школу я ходила за 5 километров. Помню замечательную учительницу Марию Ивановну Зыбину. На школьном участке мы сажали картошку. Придем осенью или зимой в школу, а она уже наварит нам картошки. Мы садимся вокруг чугунка, едим и греемся. Я это застолье не могу забыть до сих пор.

А. В. Любий

Анна Васильевна окончила семь классов средней школы в деревне Косицкое Новгородской области Батецкого района. После окончания школы поступила в Кооперативно-торговую школу Леноблпотребсоюза в городе Ленинграде. После окончания школы в 1948 году была направлена работать в заготконтору Райпотребсоюза в город Луга. В 1955 году вышла замуж. Вырастила двоих детей. Работала заведующей складом в заготконторе Лужского Райпотребсоюза до 1982 года. В настоящее время на заслуженном отдыхе. Бывший малолетний узник.

Скитание по лагерям

В 1942 году я была взята на строительство дороги Луга – Оредеж, жили в деревне Коленцево. Несколько человек, в том числе и я, сбежали. Вернули всех, кроме меня. Но в 1943 г. отправили нас в Литву, в местечко Рузалив, а потом в ноябре месяце увезли в Германию. Началось скитание по лагерям (названий не помню). Наконец, распределительный лагерь уже во Франции, в городе Сарбург.

Одиночек оставляли в лагере, а семейных отправляли на работу в сельское хозяйство. Меня взяла одна женщина, выдала за свою дочь, так я избежала лагеря. Работали мы по 15 часов в сутки у хозяина Мигель, местечко Кирхберг.

Освобождены были американскими войсками и отправлены в глубь Франции, в город Бурбон уже под прищотром наших сотрудников. Закончилась война, мы были отправлены домой. Прибыла в октябре 1945 года.

Е. Ф. Шарина

Евгения Федоровна родилась на Украине в 1930 году. В 1933 году семья переехала в Ивню, откуда отец был родом. В 1934 году умерла мама, в 1937 году арестовали отца, дали 8 лет. Позднее реабилитировали, из тюрьмы он не вернулся. Евгения Федоровна Шарина с сестрой остались одни. Началась война. Сестра ушла в партизаны, Евгению вместе с другими жителями угнали в не-

волю, в лагерь города Пярну. После войны училась в школе, работала в колхозе. В 1951 году переехала в Лугу. Работала на деревообрабатывающем заводе. Сейчас ветеран труда.

Евгения Федоровна свои воспоминания о лагере решила изложить в стихотворной форме. Как сумела, так и изложила.

Воспоминание

Я помню: был морозный зимний день.
В наш дом полицаи и немец пришли.
Нам приказали быстрее одеваться,
Взять с собою немного еды.

Мы быстро оделись, обулись,
Собрали свои узелки.
У порога все помолились
И в путь неведомый тихо пошли.

Всех в центре деревни собрали.
Подводы стоят, всюду немцы снуют.
На дровни людей кое-как растолкали,
Сказали: в Батецкую нас повезут.

Там нас загнали в телячьи вагоны,
Набили, как стадо овец,
Замерзших, слабых и больных.
Для многих это был конец.

Мы плакать не смели: боялись расстрела...
Порой даже громко боялись вздохнуть.
И видела я, как больная соседка
Скоро закончила жизненный путь.

Нас в Пярну загнали в бараки.
Здесь детскую душу весь вид леденил.
Колючка вокруг, пулеметы, собаки,
Прожектор на вышке зловеще светил.

В бараке на нарах немного соломы,
Фонарь у дверей пробивался чуть-чуть.
Мы жались друг к другу, чтобы согреться
И чтобы как-то немного уснуть.

Гоняли работать и старых и малых,
Кормили баландой и хлебом сухим.
За малейшую провинность прикладами били
У всех на глазах, чтоб пример был другим.

Время шло. Красная армия наступала
Немцы бросили нас и быстро ушли.
Мы Богу молились, что живы остались,
Что в Германию нас увезти не смогли.

Вскоре наши пришли и ворота открыли.
Все бросились их обнимать, целовать...
Сколько слез, сколько радости было,
Я даже сейчас не могу описать!

Мир везде сейчас тоже жестокий:
Кто прав, кто виновен - судить не берусь,
Но просьба к властям от простого народа:
Спасите от бед православную Русь!

И. П. Соловьев

Игорь Петрович родился в 1931 году в деревне Большое Замошье. После войны служил в Советской Армии. Затем окончил школу шоферов. 40 лет проработал в Лужской автоколонне. За свой труд имел много благодарностей.

Ребенком вместе с семьей содержался в лагерях Латвии и Литвы, городах Любава, Айс-пут, Скрунда, затем в Скодугу.

В настоящее время на заслуженном отдыхе.

Не забыть того, что было

Мне было двенадцать лет, когда в октябре месяце 1943 года меня с мамой, сестрой и жителями деревни Большое Замошье Лужского района забрали немцы из лесного убежища, где мы скрывались. Нас, в основном женщин с маленькими детьми и стариков, под конвоем гнали двадцать пять километров в Лугу. Там нас поместили в лагерь на Лысой горе, который находился за рекой Лугой. Через месяц немцы сформировали поезд для отправки населения в

Германию. Дорога была длинной, нас нигде не выпускали, старики и больные дети умирали в вагонах.

Привезли нас в Латвию в город Любава, и поместили в лагерь. Через некоторое время перевезли в город Айспут, на рытье окопов, где я работал вместе со взрослыми и военнопленными. Норма для ребят: вырыть ров длиной 2 метра, шириной 1 метр, глубиной 0,8 метра.

Через два месяца нашу семью хозяин взял на сельхозработы, где мы пробыли три месяца. Летом 1944 года хозяину пришел приказ отправить нас в лагерь в город Скрунда. Там я тоже копал рвы вместе со взрослыми и подростками и ограждал проволокой окопы. В конце лета нас всех переправили в Литву, в лагерь под городом Скоду. Во всех лагерях, куда нас отправляли, мы содержались в ужасных условиях. Люди гибли от истощения и непосильной работы. Как я выжил, до сих пор осознать трудно.

В октябре 1944 года пришло освобождение. Около месяца я работал в нашем госпитале, помогал разгружать раненых, а также помогал ухаживать за ними.

После проверки всех был сформирован состав, и нас отправили на Родину. Вернулись мы домой в ноябре 1944 года.

Е. А. Пузанова

Елена Алексеевна родилась в Калужской области в 1936 году. После войны находилась в детском доме до совершеннолетия. Затем по комсомольской путевке была на строительстве военного городка. В 1965 году переехала в Гатчину. С 1967 года жительница города Луга. 30 лет работала в детском садике. Сейчас на заслуженном отдыхе. Была несовершеннолетним узником концлагеря в Латвии.

В будке с собакой

Когда началась Великая Отечественная война, наше село, которое находилось на границе с Украиной, уже через несколько дней подверглось бомбежке. Самолеты летали и днем и ночью, сбрасывали бомбы: горели дома, много было убитых и раненых людей. Через какое-то время вошли немцы, поселились в каждой хате, а также и у нас. Нас у родителей было несколько детей, все маленькие, по ночам мы плакали. Тогда немцы выгнали нас просто на улицу.

В нашем дворе стояли немецкие телеги с ружьями, да и в самом доме на стенах тоже висели ружья. Однажды я

сидела у соседа на завалинке и вдруг слышу: сосед говорит, как плохо, что у него нет ружья. Я тогда решила принести ему ружье. Сбегала домой, когда там не было немцев, взяла со стены ружье и спрятала его в огороде, в гряде. Немцы пришли и сразу заметили пропажу. Всех согнали, стали допытываться, кто это сделал. Я испугалась, что всех убьют, и призналась. Меня очень сильно били, но в живых оставили. Через несколько дней меня и еще нескольких девочек заперли в погребе, где было огромное количество блох, блохи нас всех искусаили, мы громко кричали. Плакали, и нас вскоре выпустили. Потом наше село сожгли, а жителей погнали на железнодорожную станцию. Одних угнали в Германию, нас же повезли в Латвию, где поместили в концлагерь. Жили мы в бараках, спали на полу, голодали. Однажды у нашего барака поставили будку для овчарки. Как то раз нас повели в дом, где брали кровь у детей. Проходя мимо собаки, я не удержалась, подошла к ней и стала есть из ее чашки суп, он был очень вкусный. Удивительно было то, что собака не напала на меня. Немец меня тоже не прогнал, а только хохотал. На другой день этот немец дал мне кость, чтоб я ее дала собаке. Я отдала собаке кость, а сама опять съела у нее суп. Три немца хохотали. Я подружилась с собакой, немцы не препятствовали этой дружбе. Так получилось, что я заснула однажды в будке. А когда проснулась, собаки уже не было.

Я вышла из будки, была очень худая, плохо держалась на ногах. И вдруг услышала русскую речь и увидела наших солдат. Они меня и других детей посадили в машину. Детей было не так уж много: многие умерли.

Я считаю, что меня от голодной смерти спасла немецкая собака.

Г. М. Темин

Геннадий Михайлович был человеком сложной судьбы. Автор двух книг «Колымский детектив» и «В тени закона». Прожил в Луге тридцать лет. Геннадий Михайлович знаком нам по своим стихам в «Лужеской правде», из передач местного радио и телевидения. Его стихи звучали по московскому и Санкт-Петербургскому радио. Евгений Евтушенко рассказывал о Г. М. Темине в передаче «Поэт в России – больше, чем поэт» на Центральном телевидении.

Геннадий Темин сам себя сравнивал с прииском, оставил после себя около шестисот стихотворений, несколько поэм, множество воспоминаний и рассказов, в том числе о Луге и лужанах.

Геннадий Темин сам себя сравнивал с прииском, оставил после себя около шестисот стихотворений, несколько поэм, множество воспоминаний и рассказов, в том числе о Луге и лужанах.

Уже сейчас очевидно, что «прииск» его будет разрабатываться. Долго и тщательно. Глубокий духовный стих, простота и народность его рассказов, трагизм и юмор сюжетов, правдивость – все это говорит о том, что творчество Геннадия Темина будет еще востребовано читателем.

Главная цель Г. Темина была показать красоту мира, сказать людям, что Бог – есть, а смерти – нет, что Вселенная живет, дышит, пульсирует... Что человек сам не осознает – какое он чудо во Вселенной.

О себе он писал так...

Я знаю, что я - лес. Только я лес не простой. Сейчас на Земле нет таких лесов. Везде побывал человек. А во мне ни одного следа нет. В мои дебри еще никто не заходил. Пытались войти в меня люди с ружьями да со всякой пакостью в карманах, но я их не пустил. Да и не увидят они во мне ничего... Уж так я устроен. Иногда во мне ворона каркает и коршун кружится. Местами сугробы снежные во мне. Порой пурга и метели бушуют, но следа человеческого нет. И зверя во мне нет... Ушел из меня зверь... давно ушел - не знаю куда...

Но зато во мне побывал Господь... Заглянул в меня. И птицы мои петь по-другому стали. И закаты с восходами сопровождаться музыкой стали, музыкой тихой, говорящей о смысле Жизни и устройстве Мира. А ночи какие бывают во мне! Смотрят на меня глазами глубокими. Глазами, полными звезд. Бывают во мне и дожди, но дожди не простудные... И река во мне есть. Свое начало берет она где-то в Вечности. И лодка с веслами у причала. На ней можно заплывать в другие Миры. И этот физический Мир с моей лодки видится иным, а точнее сказать: естественным, настоящим... таким, каков он есть на самом деле. Христос не зря побывал на Земле... Даже поэт говорил, что «на Земле и в Небе есть такое, что вашей философии не снилось...» Вот этого-то, что не снилось философии всех времен, во мне полное Небо, и лес мой дышит этой самой Сущностью. Только и Небо во мне не одно. Во мне три Неба. Одно другого чище... Все три заполнены Смыслом. И я твердо знаю, что все это есть в каждом человеке... Есть точно, только все затуманено... Проходы и окна забиты горбылем политики, занавешены узорами литературы, заклеены лозунгами...

Нынче человек стал похож на зимнее дерево. Ему покажется солнце, чуть выглянет из-за горизонта и опять скроется. Это дерево не знает роста. Оно заморожено до сердцевины... до конца века. Войди в мой лес, человек! И ты оттаешь. Ты увидишь себя таким, каким ты должен быть.

Войди в меня, человек... Во мне нет зверя... Войди.

Г. М. Темин не был узником концлагеря, но со слов реального героя по имени Николай, который проживал(ет) в Лужском районе, написал поэму «Под стук колес».

Под стук колес

- Сосед!.. Товарищ! Да послушай!
Закрой окно. Мне стук колес
На части разрывает душу.
Вся жизнь встает на перекосях.
Вы что, больны воспоминаньем?
Да вам-то что?! Прошу, закрой...

Так, сокращая расстоянье,
Из ночи вырвавшись густой,
Как светлый луч, туманом кроясь,
Как звуков раненых поток,
Бежал по гладким рельсам поезд
Заре навстречу, на Восток.
«Проснись!» - кричит он на деревню.
«Гу-гу! Уйдите с полотна!»
И разбегаются деревья
Испуганно по сторонам.

В купе вагона женский голос:
И возит же таких вот поезд...
Вы псих какой-то, гражданин.
Да и в вагоне не один.

Не псих я... Вы меня простите.
Не держат нервы. Стук колес
Мой слух не пропускает мимо.
А с чем же связано?
Невроз...
Невроз дорог, огня и дыма.
Большого голода волна
По всей земле в те дни гуляла
И все живое поднимала
На гребень смерти... И меня,
Как видите, не миновала.
Но вы совсем ведь молодой!
Годами да...А в Бухенвальде
Бывали всякие, и там
Не скажете: «Я молод... Сжальтесь...»
Мы просим: расскажите нам
Хоть что-нибудь о тех дорогах.
А что рассказывать? У вас
О Бухенвальде знаний много.
Про всё читали. А сейчас
Мир занимать должно другое,
Не прошлое, а этот день,
Чтоб небо было голубое,
На лицах радость, а не тень.

- Да, это правда. Но ведь людям
Неплохо и напоминать:
Пусть борются и помнят лютость
Суровых дней отец и мать.
И всё же вы имели счастье
Оттуда вырваться живыми.
Наверно, воинские части
Освободили?

Нет, двоим
Случайно или как, не знаю,
Бежать в дороге удалось.
Поэтому мне стук колес
Картину ту напоминает.

А как ушли? Когда и с кем?

Да как сказать... Я почему-то
Висел всегда на волоске
И ждал, что каждую минуту
Меня, как многих, бросят в печь.
За всё, за всё могли там сжечь.
За слабость жгли и жгли за грубость.
Дымились днем и ночью трубы.

Однажды из комендатуры
Пришли со списком. Лагерь спал.
«Всем встать!» - скомандовала шкура...
Собрали нас - и на вокзал,
В вагон, в обыкновенный пульман,
Нас, сто пятнадцать человек,
Без хлеба и воды... О, горе-век!
Внутри вагона - караульня.
Два немца, два здоровых дяди
Явились нас сопровождать.
Не верил я, на фрицев глядя,
Что есть у них отец и мать.
Зверьё, не люди. Раз в неделю
Давали хлеба по сто грамм.
Черпак баланды горько-прелой...
И то, все с горем пополам.
Мы часто в тупиках стояли.
А ровно через десять дней

Нас сорок пять в живых осталось
Из ста пятнадцати. Тошей
Оставшихся и терпеливей
Мне в жизни видеть не пришлось.
Кто знает голода бодливость,
Поверит мне. Под стук колес,
Когда одеревенело сердце,
Пропал и страх. В уме - лишь хлеб.
Подполз я к задремавшим немцам
И в загородку, будто в хлев,
Просунул чуть живую руку.
Когда стащил, наверно, другу
Об этом не сказал бы я...
Но двое видели меня:
Как брал, как ел... И я решил
На случай, чтобы не сказали,
Дать им. Тихонько покурил...
Спокойно всё. По сигарете
Еще пяти полякам дал,
Шепнув, чтоб все было в секрете.
Но только эшелон наш встал,
Проснулись фрицы. Дымом пахнет
Бормочут что-то про себя...
И вдруг один из них как ахнет
Ругательство. Ну, всё - труба.
Открыли дверцу и к полякам,
Сжимая смерть в руках, идут.
Я встал и тихо, как бумага,
Прошелестел: «Ваш хлеб вот тут,
В желудке...» И она явилась,
Смерть неизбежная, за мной.

Когда над самой головой
Промчалась пуля... Всею силой,

Ударив в ноги сам собой,
Я фрица сшиб. Свершилось чудо:
Такой верзила - не вставал.
Другой, смотря, что дело худо,
Хотел стрелять, но я упал
На тело первого. Вот здесь-то
Открылась дверь, и комендант
С лицом обвисшим, будто тесто,
Вошел в вагон. То был гигант,
В перчатках страшного размера,
В широкой шляпе, сбоку - плеть.
Глядит, глазам своим не веря.
А этот, сбитый, что медведь,
Поднялся неуклюже с пола,
Башка в крови, об пол разбил,
И морщась, как юнец, от боли,
По-своему проговорил:
«Он хлеб украл...» И счастье снова:
Когда солдат всё рассказал,
Зачем-то комендант суровый
Меня не трогать приказал.

Скажу, глаза мои живые
Такое видели впервые.
Всегда я вижу тот тупик.
В то время наши наступали,
А мы об этом и не знали,
Нас в печь бросали за язык...

Я ждал момента, чтобы кинуть
Себя в возможную дыру,
Чтоб жить в России или сгинуть...
И вот случилось так, смотрю:
Подходят к двери наши фрицы

И, как по трапу, по доске
Спустились. Самолетов тридцать
Вдруг показалось вдалеке.
Не знаю, чем, но всё ж смекнул:
«Бомбить летят. Пора бежать.
Летите, милые, летите
Всю эту сволочь убивать!»

И вот запели, засвистели
У нас над самой головой.
Души не чуя в хрупком теле,
Рванулся я по гробовой,
Бегу... Летит земля и доски,
Всё вертится, взметая пыль.
Не помню: круглый или плоский
В минуты те земной шар был.
Не помню, помогал ли ветер...

Но, наконец, упал, лежу
В каком-то гаденьком кювете,
Переживая эту жуть.
И вижу: метрах в трех так, рядом,
Лежит девица, что-то ждет,
Как будто спрашивая взглядом:
«А дальше что?..» Вот женский род!
Всю жизнь, весь век свой буду помнить
Её открытые глаза,
В больших зрачках - разрывы бомбы,
И щеки серые в слезах.
Потом узнал, что и она
В тот миг бежала из вагона.
Её во Франции война
Схватила девочкой-бутоном.

А дальше как?
На дно опять
Пошли мы с нею. Дня четыре
Пришлось нам вместе поблуждать...
Но в мире не бывает мира,
Хлеб надо где-то добывать.
И вот я со своей подругой
Пришел в просторный городок,
Где нас в какую-то лачугу,
Голодных, рваных, - под замок.
Сидим и ждем почти в потемках.
Ломаю голову. У ней,
Как угольки, горят глазенки.
За стенкой хрюканье свиней
Такое сытое я слышу.
Попробовал сначала в крыше,
Потом в стене... Нельзя. Крепка,
Обшарил пол - нет сил в руках.
Душой бы грыз, ломал бы стены,
Но что поделать: тело - крах.
Уж стала появляться пена
У нас обоих на губах.

Прошла так ночь. А утром рано
Открылась дверь: «Эй, выходи!»
На свет я вышел будто пьяный.
«Вот так... Не вздумайте шутить...
Здесь кухни нет, готовьте сами,
Вот вам картошка и дрова», -
Сказала, шевельнув усами,
Блестя, как тыква, голова.
По пять картошин так, не чистя,
Живыми съели. Хруп да хруп...
И вдруг усатый этот в миске

Принес к собачьей будке суп.
А сам ушел. Где сила воли?
Я счет минутам потерял,
Сжимая челюсти до боли,
И уж заранее пировал...

Собака вдруг насторожилась,
Вздыбила шерсть и бьет хвостом.
Мой взгляд голодный, будто шило,
А грудь завязана узлом.
У пса, у носа, что гармошка,
Блестит, грозит оскал зубов.
Хочу сказать: «Ну, дай немножко
После тебя поесть супов.
Пусть нас местами поменяли,
Ты - на столе, я - под столом».

Был жизни блеск в ее оскале...
И я решился напролом.
Собака бросилась, но в зубы
Я сунул руку: жри, мол, хам.
А сам скорей за миску с супом...

Вот, видите, остался шрам.
И пес, с собачьим изумленьем,
В крови лишь зубы обмочив,
Вдруг на глазах у всей Вселенной,
Мне уступая, отскочил.

Он смог собачьими глазами
Понять меня... А человек,
И без усов, и тот, с усами,
В тот день в лицо мне бросил смех.
Они стояли на балконе.

Цивилизация... Каприз...
Высокомерие! Законы!
Я выпил суп и сплюнул вниз.
В тот миг я слышал стон земли,
Стеклась под сердцем жизни накипь,
И я, от Родины вдали,
Врагом раздавленный, заплакал.
Она же, хрупкое создание,
Давно уставшая страдать,
Пред иноземцем и страданьем
Обречена была молчать.
Сидит и смотрит, смотрит в угол,
Во все глаза, без слез, без слов,
Скрестив вот так худые руки,
Как на иконах у Богов.
Лишь вечером, когда смеркалось,
Ко мне впервые подошла
И вдруг по-русски зарыдала...
Но высказаться не смогла.

Двенадцать дней мы ожидали,
Что будет с нами. Чертов век!
Потом нас партию собрали:
Евреев восемь человек,
Она, украинец, пять русских
И повели дорогой узкой,
Сковав железками по два...

Цвели цветы, росла трава,
Порхали птички в поднебесье.
Играли дети. Как всегда...
Местами слышны были песни.
И мир, казалось, был не тесным,
Но нас вели... И вот беда:

Подходят фрицы близко-близко.
Евреев вызвали по списку...
И автомат поверх голов
Послал в пространство дозу смерти.
И пыль посыпалась с кустов,
И огород качнулся жердью.
Затем другую дозу, с тыла,
Из двух стволов... Из двух стволов.
Аж пламя в розовых глазах
У наших фрицев отразилось...
И эхо скорби в небеса
К далеким звездам покатилося.

Евреи без слезы, без жалоб
Смотрели. Всех..., почти в упор...
Трава к сырой земле прижалась.
И, вздрогнув, сморщился простор.

Нам их велели закопать...
История подставила страницу,
Но некому то было записать,
Лишь в памяти моей хранится.

А всех оставшихся - в гестапо.
Там опросили... А потом
В известный лагерь, по этапу,
Под Прагу... Человек так сто.

Нельзя забыть той чуткой Праги,
Когда нас, как гражданских лиц,
Освободил режимный лагерь.

Мы думали, перевелись
Красивые душою люди...
Но только вышли, вся простуда,
Вся боль душевная ушла.
Не помню горячей привета.
Как мать, нас Прага обняла,
На улицах: «Вы из кацета?» -
Прохожий спрашивал и вдруг,
Как самый настоящий друг,
Нам раскрывал свои объятия.
Спасибо им за все, как братьям.

- А девушка?
- Она, бедняга,
В больнице тиф перенесла,
А как освободили Прагу,
К себе во Францию ушла.

- Писали ей?
- Нет. Слишком много
И про себя, и про людей
Узнали с нею мы такого,
Что стыдно как-то нам тех дней.
- А где ж вы силу брали?
- В горе...
И шуме мировой давилни...
В её глазах, безмолвьем сильных.
- А как вас встретила Россия?
- Да так... Взяла на душу грех.
Отправила в леса густые.
В те годы отправляли всех...
- Держали долго?
- Извините,
Об этом кто-нибудь другой
Пускай расскажет вам...

- Бойтесь?
- Боязни нет. И нет желанья...
Так, сокращая расстоянье,
Из ночи вырвавшись густой,
Как светлый луч, туманом кроясь,
Как звуков раненых поток,
Бежал по гладким рельсам поезд
Заре навстречу. На Восток.

А.А. Кондратьева

И все же мы выжили

В нашей семье было пятеро детей. Когда нас немцы отправляли в Германию 05.02.1944 года из города Луга, мне было одиннадцать лет, сестре Елене исполнилось восемь, а самой младшей Людмиле не было и трех. Самым старшим был брат Евгений, ему исполнилось четырнадцать лет, другому брату Ивану было около пяти лет.

Наша семья до войны проживала в Луге на улице, которая в то время называлась Ивановский путь. Здесь, на берегу озера Омчино, был наш дом, который немцы при отступлении сожгли. Бабушку немцы просто выгнали из дома, ей было в то время 85 лет, а также не давали нашей маме брать двух маленьких детей, но мама схватила обоих на руки, и так нас гнали до самой станции. Там всех затолкали в товарный вагон. Дети плакали вокруг, мы тоже. Куда везут, не говорили. Когда ехали, нас бомбили. Наконец, привезли в Германию, поместили в лагерь, который назывался Визендорф (находился в поселке Вассеральфинген). Взрослых и подростков утром угоняли на работу. Запомнилась деревянная обувь на ногах, которая стучала очень громко. Младшие дети оставались в лагере, под охраной.

Тех, кто был чуть постарше, отправляли пасти коров и убирать картошку. Кормили нас плохо, и я, как старшая из

детей, нашла лазейку и убежала через форточку туалета в поселок побираться. Немки иногда подавали кусочки хлеба. Принесу в барак, разложу на нарах, всем нам поровну. Самое главное было то, чтоб из охраны меня никто не увидел. Но все-таки охрана меня однажды поймала. И все, что я принесла, отобрали. А меня посадили в подвал на сутки. Мне было страшно и обидно.

При наступлении наших войск немцы нас выгнали из барака и погнали. Мы думали, что к фронту, но вскоре охрана вся разбежалась, и мы, кто как мог, возвратились в лагерь и стали там дожидаться освобождения. Освободили нас американцы.

Потом была дорога домой, на Родину. После войны жили в землянке.

Три сестры.

Ветераны труда Рассказова Людмила Андреевна и Кондратьева Александра Андреевна – более сорока лет работали на абразивном заводе. Имеют много благодарностей и поощрений;

Косовина Елена Андреевна переехала в город Волхов.

В.В. Яковлева

Мы пытались бежать

В 1943 году, в начале октября, в нашей деревне Дертины ночью был бой партизан с немцами. Утром приехал карательный отряд, нас согнали в один дом, и мы пробыли там целый день, пока немцы все проверили. Они, что надо, забрали и уехали, нас не тронули. Прошло примерно два или три дня, точно не помню, я была в лесу с соседями, там мы строили землянки, собираясь в них укрыться зимой. Немцы приехали утром в деревню. Начали стрелять и поджигать дома, много было убитых, в том числе и моя бабушка. Мама убежала к нам в лес, а отца немцы забрали вместе с лошадей. Немцам нужны были подводы. Потом отца отпустили, и мы успели похоронить бабушку. Прошло еще три или четыре дня, снова появился отряд немцев, которые окружили лес, где мы находились. Нас забрали, землянки взорвали. В соседней деревне нас поселили в двух домах под охраной. Потом приехали машины, нас погрузили и отвезли в деревню Б. Уторгош, поселили в школе, были там еще люди из других деревень. Отец был болен, у него был сильный сердечный приступ, но мы все же решили бежать с близкими соседями. Нас заметили, когда мы переходили речку, стали по нам стрелять и догнали с собаками. Отец скрылся в кустах, но мы не стали его звать, побоялись, что его застрелят. А нас, женщин, пригнали снова в школу, посадили в отдельную кладовку и заперли, так мы там и сидели. Потом отвезли на машинах на станцию Уторгош, погрузили в товарные вагоны и повезли. Куда - мы не знали. Привезли в Литву в город Тельшай, выгрузили на перрон, там нас выбирали хозяева, как товар. Зимой мы прожили у барина в имении, работали: мама - на

свинарнике, а я - в доме прислугой. А весной, когда наша Армия начала наступать, хозяева уехали в Германию, они были поляки, а нас забрали в лагерь. Как это место называлось - не знаю, только помню, что с волости Жарена нас гнали целый день, там нас поселили в конюшни. Работали в лесу, пилили лес, копали окопы и возводили разные заграждения. Кормили нас баландой. Освободили только в конце августа 1944 года. В 1945 году в феврале месяце мы приехали в Лугу. В доме отдыха «Воровское» жила моя тетя и сестра, которые нас приютили.

Е.И. Хохлова

До сих пор боюсь собак

Наша семья в составе четырех человек: мамы, двух ее детей и сестры мамы - была угнана немцами с Оредежа из деревни Дубровка. Нас долго под бомбежками везли, куда - мы, конечно, не знали, и вот остановка. Как оказалось, это была Литва. Там нас отдали хозяину, который заставлял с раннего утра до позднего вечера «гнуть спины» на своей ферме.

Но это продолжалось недолго – вскоре нас отправили в концлагерь. Там одну семью, которая оказалась с нами, расстреляли сразу. Со слов мамы, мы попали в лагерь смертников. Пребывание в лагере было ужасное: колючая проволока, вышки, где немцы с автоматами, повсюду собаки – овчарки.

Один из немцев натравил собаку, она напала на меня на глазах у мамы. Собака кусала и рвала до тех пор, пока другой немец, который стоял на вышке, не дал команду собаке бросить меня. Только после этого она убежала, а я в крови

осталась лежать. Мама долго лечила меня. В лагере умерла мамина сестра. Помню, как нас освобождали. Был страшный бой. Нас освобождали литовские партизаны. Мы все кинулись бежать из бараков, недалеко была речка, и мы с мамой переплыли ее.

После нашего освобождения вернулись в родную Дубровку. Дом наш был сожжен. Жить было негде. Послевоенная судьба была горькой.

Г.Н. Пишкова

Жили под угрозой смерти

Моя мать, Станислава Павловна Пишкова, отец, Николай Алексеевич Пишков, сестра Нина и я были угнаны в 1943 году в Германию. Пройдя все пропускники, мы оказались в городе Ретенберг, в одном из многих бараков, обнесенных колючей проволокой. Мужчин, в том числе моего отца, поселили отдельно в мужской барак. Потом, поставив каждого на учет, стали гонять на работу. Женщины должны были работать на фабрике «ФУКиU и ФРАУЦ». Там же стала работать и моя мама. Отец обрабатывал детали на станке, а сестру определили рабочей на кухню. Она привозила в лагерь для малышей кое-какую баланду, едой ее просто не назовешь. В лагере была выбрана староста, вот она и издевалась над всеми. Одна женщина не вынесла издевательств и повесилась, другая сошла с ума, а нашу маму (кто-то сказал, что она еврейка) вызвали, били зверски, допрашивали три дня. Жили все под угрозой смерти. С какой радостью мы встречали наших освободителей! 26

мая нас освободили французы и оправили всех в Тюбинген, где мы ждали получения помощи от Красного Креста.

Нам выдали кое-какую одежду и оправили в Штутгарт, потом в Мюнхен, через Польшу в Западную Украину, затем на машинах ехали до города Дно. В Дно нас погрузили в вагоны и привезли в Лугу. Так мы и живем в Луге. После войны голодали, восстанавливали народное хозяйство, разрушенное войной. Теперь на заслуженном отдыхе, ветераны труда.

Н.Б. Ермакова

Немец сломал мне руку

Родилась я в 1940 году в городе Ленинграде. Кроме меня у мамы был еще сын 1935 года и дочь 1938 года. Мама работала главным бухгалтером, папа – на заводе. В июне 1941 года мама нас привезла к бабушке и дедушке в Плюссу и там хотела провести отпуск. И вдруг началась война, немцы так быстро занимали наши территории, что мама с нами в Ленинград не смогла вернуться.

Так мы и остались на оккупированной немцами территории, в Плюссе.

Маму заставили работать на немцев: таскать дрова, пилить, стирать белье. Дом бабушки немцы сожгли сразу, мы поселились в чужом доме, а в 1943 году нас всех выгнали из домов, насильно затолкали в вагоны тех, кто сопротивлялся или пытался бежать, убивали сразу. Меня немец так схватил за руку, чтобы затолкать в вагон, что сломал ее.

Ехали долго под обстрелами, через какое-то время нас привезли в Германию. Поселили в лагере, крыша в бараке текла, дыры огромные наружу, ночью холод. Мы затыкали эти дыры своей одеждой и тем, что оказалось в наших узелках.

Патруль, который ходил туда – обратно, часто сбрасывал наши тряпки. Бывало, среди ночи поднимают всех и под холодный душ отправляют и детей, и мужчин, и женщин – всех вместе. Это называлось помывкой.

Мама работала на железной дороге, бабушка – рабочей по кухне, дедушку заставляли чинить немцам обувь, брат должен был пасти овец и гусей, а мы, самые маленькие, мыли дорожки к немецким сторожевым будкам, а если кто забалуется, то тут же нас хлестали плеткой.

Ели лепешки из опилок и комбикормов, да еще с песком дорожным, который хрустел на зубах. Вот так мы и жили, если это можно считать житьем.

Освободили нас американцы в 1945 году. Радость была неопикуемой: ведь мы остались живы. А многие не увидели, не дождались Победы. Приехали с чужбины в Лугу. Она вся лежала в руинах.

Тогда мама решила ехать в Плюссу, чтоб как-то пережить голод, но и там было голодно. Мы, дети, пошли в школу, но то, что мы были увезены немцами в Германию, никому не говорили, а то бы нас обзывали за это.

Потом мы переехали в Лугу. Вот все то, что я узнала со слов моей мамы.

М.Н. Афанасьева

Не вычеркнуть из памяти

Я, Мария Николаевна Афанасьева, до войны училась в Толмачевской школе. Когда наши войска начали отступать, никто не верил, что это надолго. Эвакуировались в срочном порядке те, кто имел эту возможность. Мы же до последней минуты верили в скорую Победу и упустили все возможности. Когда немцы стали наступать, был такой треск пулеметов, визг пуль, гул самолетов! Я вместе с женой брата, с ее двумя малолетними детьми Валею и Геней находилась в деревне Коленцево, отец только перед войной вырыл погреб, туда и было принято решение бежать, спастись от летящих над головами снарядов и пуль.

Мы бежали друг за другом. Когда я оглянулась назад, увидела, что наша деревня уже вся в дыму и огне. Рядом с нами тоже упал снаряд, отца засыпало землей: мы стали откапывать его руками, он был живой и не ранен. Быстро заскочили в погреб. Сидели под таким обстрелом долго. Потом появились немцы с собаками, выгнали нас. Обследовали наш погреб, убедились, что там нет солдат. На наших глазах они поймали солдата, не успевшего уйти со своими, и застрелили его. Немцы чувствовали себя хозяевами: они выгоняли женщин с детьми, занимали помещения, забирали все съестное. Потом нас всех переписали и заставили работать. Помнится мне такой случай: партизаны взорвали мост, за это всех жителей Коленцева отправили в гестапо, которое находилось в Васильковичах. Меня тоже забрали. Там был допрос, применяли пытки. Я ничего не знала. Над теми, у кого сын, дочь или отец находились в партизанах, издевались зверски.

Затем стали гонять на работу. Работы давали разные. За невыполнение работ могли застрелить. Незадолго до прихода нашей Армии население стали угонять в Германию. Нас выгнали из домов, погрузили в телячьи вагоны и повезли в Германию. Привезли в Штутгарт. Там поместили в лагерь, за колючую проволоку. В бараках ничего не было, только нары, в это время свирепствовал тиф, многие умерли от болезни. Стали гонять на фабрику Ламгерер - Рейх. Там меня заставляли паять радиаторы. Работали до изнеможения, без выходных. Выдали специальную одежду (на ней были нашивки «ОСТ») и колодки, а также платки на голову. Это было вредное производство. Кормили очень плохо. Я страшно похудела. Не знаю, как я выжила. Дети, Гена и Валя, выполняли работы по лагерю. Иногда им удавалось попрошайничать. Они тоже от голода еле ходили.

Потом пришло освобождение. Нас освободили американцы. И мы вернулись в Толмачево.

Геннадий Елистратов

Дети войны

В года лихолетий
Нам крылья даны.
Мы дети, мы дети
Прошедшей войны.

Всклочены вены,
В висках снегопад,
Сердца, как мартены,
Надрывно гудят.

Наследие дедов,
Отцов, матерей –
Победа! Победа!
Отчизны моей.

В параде Столетий
Мы клятве верны.
Мы дети, мы дети
Прошедшей войны...

Неизвестный поэт из лагеря Заксенхаузен

"Незабываемое"

Пройдут года. Мы станем стариками,
Падет на лоб волос седая прядь,
Но будем мы дрожащими руками
Страницы жизни прожитой листать,
Не раз огнем жестоким загорятся
Глаза бойца, и судорога сведет
Ладонь в кулак, ему уж не разжаться,
Когда вдруг злая ненависть придет.
Открой страницу в сердце изболевшем

И сразу вспомнишь горькую апель.
Стоишь в строю, дрожащий, посиневший,
Одетый в полосатую шинель,
Кто позабудет жуткую картину
Повешенья у лагерных ворот,
Когда палач веревкою змеиной

Несчастной жертве шею обовьет?
А крематорий. Говорить нет силы.
Кто только сможет, право, подсчитать
Всех тех, кому здесь выдернули жилы
И скольким здесь случилось жизнь кончать!
Хлысты, резина, палки - что хотите,
Везде побои, слезы, смерть и кровь.
Вы в памяти все это сохраните,
Как сохранили первую любовь.

Земля, политая кровью

Мы, узники разных лагерей, проживающие в Лужском районе, каждую весну чувствуем в душе тревогу. Память воскрешает пережитое в войну.

Все мы ходим по местам, которые помнят зверства фашистов.

Когда немцы заняли Лугу, жизнь словно остановилась. Изменился стадион: поверх забора протянулась колючая проволока, на углах появились вышки с автоматчиками. Здесь был самый большой в Луге лагерь под названием «Дулаг-320». Он протянулся от стадиона до Лысой горы. Сюда сгоняли тысячи военнопленных.

В лагере свирепствовали тиф, дизентерия, голод. На стадионе люди съели всю траву. Был такой случай: одна пожилая женщина, проходя мимо стадиона, бросила за забор кочан капусты, ее сразу же расстреляли, труп долго лежал у забора, его не убирали для устрашения других. За полтора километра от лагеря доносился вой. Ежедневно на телегах вывозили со стадиона несколько сотен трупов. На

перекрестке улиц Дмитриева и 4-й Заречной были могильные холмы с бирками 400, 500.

Другой лагерь находился на месте бывшего ресторана возле рынка; третий, небольшой, был у трикотажной фабрики, около речки. И в районе было несколько лагерей для военнопленных: в Толмачеве, Жельцах, Осьмине, Мшинской. Неисчислимы злодеяния творили фашисты в Ордеже, в местечке Васильковичи, там после войны было обнаружено 40 общих могил.

Во время восстановления Лужской ГЭС-2 на реке Быстрице (санаторий «Красный вал») был обнаружен железобетонный бункер. Местные жители рассказали, что здесь во время войны был концлагерь советских военнопленных, а бункер служил карцером или местом пыток и допросов.

В разных местах Лужского района захоронено больше 15 тысяч человек. Только в районе Лысой горы поисковые отряды обнаружили останки около 2 тысяч погибших.

Об этом не должны забывать

Прошли десятилетия после войны, уходят люди, пережившие те страшные годы, а многие тайны войны неведомы до сих пор. Еще не все мы знаем о кровавых ужасах и злодеяниях немецко - фашистских захватчиков, о разрушенных и стертых с лица земли городах и деревнях, таких как Хатынь в Белоруссии или Большое Заручье в Ленинградской области близ Кикерино; о миллионах убитых и замученных военнопленных и гражданских лиц, находившихся в фашистских концлагерях.

За долгожданной победой последовали обвинения в предательстве уцелевших ни в чем не повинных людей, то

есть узников, которых не могло спасти советское правительство - своевременно эвакуировать в глубь страны.

На протяжении всех послевоенных лет узники фашизма борются за свои права и будут продолжать борьбу. Было обращение председателя ЗакС города Санкт-Петербург В. Тюльпанова в Госдуму с предложением определить статус бывшего узника, как участника Великой Отечественной войны. Но решение по этому вопросу до сих пор не принято.

В 2008 году Международный Союз бывших малолетних узников (МСБМУ) отметил свое 20-летие.

Тысячи лагерей фашизма были в Германии, Польше, Австрии, Эстонии, Латвии, Белоруссии, Карелии и на оккупированной части нынешней России.

Лагеря были разные: в одних использовался труд пленных, в других сжигали людей в газовых камерах или делали над ними опыты, брали кровь у детей, морили голодом, издевались, вешали, расстреливали за малейшую провинность или убивали уколами фенола в сердце.

Освенцим, Дахау, Саласпилс, Бухенвальд – Это крупнейшие.

В лагере смерти Саласпилс фашисты расстреляли, повесили, отравили, забили до смерти, уморили голодом более 100 тысяч человек. В живых осталось 512 узников.

Только в Берлине было 660 фашистских лагерей. В Бухенвальде было замучено и убито 56 тысяч заключенных восемнадцати национальностей. 11 апреля 1945 года в условиях разгрома немецко-фашистских захватчиков во второй мировой войне узники подняли восстание, в результате которого лагерь был ликвидирован восставшими.

В память об этом 11 апреля и считается теперь праздником - международным праздником той горстки людей, что уцелели во всех фашистских лагерях.

Держимся вместе

11 апреля, в яркий весенний день 1945 года, были освобождены узники страшного фашистского концлагеря Бухенвальд.

В этот день решено отмечать Международный День освобождения узников фашизма.

В 2008 году состоялась Международная юбилейная конференция бывших малолетних узников фашизма. Она прошла 22 июня в Киеве, посвящена 20-летию создания Международного союза БМУФ. В ней приняли участие 85 делегатов из России. Областная акция, посвященная этой дате, состоялась 14 апреля в поселке Горбунки Ленинградской области.

В Луге и Лужском районе проживает 1180 бывших узников. С каждым днем их становится меньше. В феврале состоялось общее собрание. Об итогах работы и задачах на 2008 год рассказала заместитель Совета общества БМУФ В.Н. Мнацаканова, с содокладом выступил член Совета Н.Ф. Филимонов, который проинформировал присутствующих о правовой социальной защите бывших малолетних узников.

В настоящее время из 810 бывших узников, состоявших на учете в нашей организации, только 253 человека являются членами этого общества. А жаль: ведь только благодаря деятельности Совета мы можем отстаивать свои права на улучшение жизни.

Председателем Совета Лужской общественной организации БМУФ является П.С. Данилов, основную работу по организации деятельности общества ведет заместитель председателя В.Н. Мнацаканова, ей помогает ответственный секретарь М.А. Пухова. Активными членами Совета являются О.С. Кирилловых, Н.Ф. Филимонов, Н.Б. Ермакова, В.А. Зернова, Н.Н. Бахмурова, В.Е. Дудник.

Хорошо работают первичные организации в районе: Заклинская под руководством Е.А. Пузановой, Серебрянская, руководимая А.Я. Фоминой: на Луге-3, где руководитель В.Э. Дудник, организация в Городке – Луга-2, возглавляемая В.А. Зерновой, организация в Перечицах – Большом Замошье – руководитель З.И. Баранова.

Мы благодарим начальника КСЗН В.Г. Вурмс, специалиста социальной защиты населения М.Н. Кулакову за оказанную помощь Совету общества и узникам. Мы не просим о многом и, как правило, наши обращения находят понимание и поддержку.

Мы благодарим за помощь депутата ЗАКСа В.А. Санца, глав города и района А.А. Орлова и В.Ф. Васильева, глав администраций В.В. Бакунева и С.Н. Тимофеева.

На наших мероприятиях не оставляют нас без внимания и материальной поддержки депутаты Лужского муниципального района О.С. Кирилловых, А.А. Михайлов, В.В. Алексеев, Ю.С. Хиль, Б.П. Новик. За это им большое спасибо.

Совет Лужского Общества БМУ

Бахмурова Нина Николаевна – член Совета

Зернова Валентина Александровна – член Совета

Данилов Павел Семенович – председатель Совета

Мнацаканова Валентина Николаевна –
заместитель председателя Совета

Филимонов Николай Федорович – заместитель
председателя Совета

Пухова Муза Александровна – секретарь совета

Ермакова Надежда Борисовна – член Совета

Актив общества БМУФ г. Луги

Актив и узники дер. Перечицы

*На празднике, посвященном
Дню освобождения узников 11 апреля*

Узники Лужского района на Невском пятачке

дер. Перечицы, посещение мемориала

**Мемориальный комплекс
“Лысая гора”**

Мемориальный комплекс “Партизанская слава”

**Мемориальный комплекс
“Павшим героям”**

**Мемориальный комплекс
“Лужский рубеж”**

ПРИЗЫВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА БЫВШИХ МАЛОЛЕТНИХ УЗНИКОВ ФАШИЗМА В ЗАЩИТУ ДЕТЕЙ И ДЕТСТВА

22 июня 2008 г. в Городе-Герое Киеве состоялась международная встреча бывших малолетних узников фашизма, посвященная 20-летию образования МСБМУ, на которой участники встречи обратились с призывами к молодежи:

К детям и юношам нашей Планеты:

- помнить о миллионах безвинных детей, погибших в фашистских концлагерях, гетто, тюрьмах, маршевых колоннах;
- помнить о миллионах незащитных детей, погибших во время боевых действий, расстрелянных и заживо сожженных при проведении карательных операций;
- помнить о десятках тысяч детей, у которых забирали кровь, над которыми проводились псевдомедицинские эксперименты;
- помнить о сотнях тысяч детей, испытавших на себе всю тяжесть рабского труда в фашистской неволе;
- помнить о сотнях тысяч детей, лишившихся в самую счастливую пору детства здоровья, родителей и родного очага, возможности учиться и создавать свои семьи!

К школьникам и студентам:

- быть благодарными Вашим отцам дедам за их несломленный в фашистских застенках дух гуманизма и взаимопомощи, за их героическое сопротивление и жажду жизни в нечеловеческих условиях нацистских преследований, за их огромный труд при восстановлении разрушенных войной городов и сёл;
- придти на помощь больным и состарившимся бывшим узникам фашизма, записать и осмыслить их жизненный опыт, создавать и поддерживать школьные музеи узничества, организовывать встречи с узниками фашизма в святые для нас дни: 11 апреля - в Международный день освобождения узников фашистских концлагерей, 22 июня - в день скорби и памяти, 9 мая - в день Великой Победы, вести исследования судеб бывших малолетних узников фашизма!

Делегаты конференции выразили надежду на то, что человечество больше не повторит и не допустит повторения наших детских страданий и трагедий. У живущих и будущих детей нашей Планеты должно быть светлое и счастливое детство!

***Международный союз
бывших малолетних узников фашизма
22 июня 2008 года, г. Киев***

**ДЕТИ - УЗНИКИ,
ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЕ
В КОНЦЛАГЕРЯХ И ГЕТТО
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
СЛАВЯТ БЕСЦЕННЫЙ
И ДИВНЫЙ МИГ ЖИЗНИ,
ДАРОВАННЫЙ СУДЬБОЙ**

Бывшие малолетние узники имеют свой памятный нагрудный знак, который был изготовлен по эскизам члена Совета и учредителя Брянского регионального отделения РСБНУ Ивана Парфеновича Бурденкова.

*Нагрудный
знак "Бывший
узник фашизма"
получил
высокую оценку
и пользуется
большим
спросом
у узников.*

По инициативе Совета Российского союза бывших несовершеннолетних узников в 2007 году была разработана и утверждена в Геральдическом Совете России памятная медаль “НЕПОКОРЕННЫЕ”

Это общественная памятная медаль о перенесших страданиях в неволе, о стойкости и мужестве, проявленных советскими людьми в годы войны.

А также этой медалью награждаются лица за активную поддержку жертв нацизма и сохранения памяти о погибших в войне 1941 – 1945 гг.

Детям войны

*Мы с вами почти старики...
Нас ждет беспокойная старость.
А в прошлом мы – дети войны,
А детству такое досталось,
Что вспомнишь об этом сейчас
Вот-вот остановится сердце.
Я знаю, знаю, что каждый из нас
Стоял на пороге у смерти.
Мы – жертвы той жуткой войны.
И жизнь мало нам улыбалась.
Но честь мы свою сберегли,
И пусть не погасит нас старость.
Мы верим в великий народ,
В родную до боли Отчизну.
Фашизм никогда не пройдет!
Россия, веди к светлой жизни!*

*Т. В. Балаганя,
бывшая узница*

ГОРА
КОЛОКОЛЬНЯ

Оглавление

Е. В. Александров	6
И были слезы, слезы	7
Концлагерь	9
Проклятая память.....	9
Ах, дети!	9
Помню то, что видели глаза	10
Воспоминанье	11
Штутгарт	12
Не забыт оскал фашизма	12
Крестиком помеченный	13
Мать меня в рубашке родила.....	13
Всюду кованый сапог	14
Вера	15
Выжили	15
А где мои корни?	16
Сокровенное.....	16
Память	17
Кто боли все переболел	17
Река Обла.....	19
Семья Мордачевых	20
Спасти и выжить	23
А. В. Миронова	30
Мне часто снится один и тот же сон	30
Жизнь, опаленная войной.....	31
Концлагерь Озаричи	33
П. С. Данилов	35
Из шести остались двое	35
Концлагерь Саласпилс.....	37
А. Я. Чудинов	39
В фашистской неволе.....	40
Палки	43

Узники	48
Катюша	49
Побег	50
Багульник	51
Траурный день	52
Удача	52
Сережки	53
Освобождение	55
Я помню	56
Концлагерь Освенцим	57
Л. К. Федорова	60
Мы были в концлагере Освенцим	60
В. Н. Михайлов	63
Такое не забывается никогда	63
М. А. Пухова	66
Финский лагерь	66
Л. Л. Сосницкая	70
Через ужасы концлагерей	70
Давайте вспомним	72
Память сердца	79
Не вспоминай	80
В. Э. Дудник	82
Никогда не забуду	83
Частушки моей мамы	85
Л. А. Сосновская	86
Выглядели мы, как скелеты	86
Н. Ф. Филимонов, И.М. Филимонова	88
Этого забыть нельзя	89
В. А. Маркова	92
О военном детстве	92
А. В. Любий	94
Скитание по лагерям	94
Е. Ф. Шарина	95
Воспоминание	96

И. П. Соловьев.....	98
Не забыть того, что было.....	98
Е. А. Пузанова.....	100
В будке с собакой.....	100
Г. М. Темин.....	102
О себе он писал так.....	103
Под стук колес.....	104
А.А. Кондратьева.....	116
И все же мы выжили.....	116
В.В. Яковлева.....	118
Мы пытались бежать.....	118
Е.И. Хохлова.....	119
До сих пор боюсь собак.....	119
Г.Н. Пишкова.....	120
Жили под угрозой смерти.....	120
Н.Б. Ермакова.....	121
Немец сломал мне руку.....	121
М.Н. Афанасьева.....	123
Не вычеркнуть из памяти.....	123
Геннадий Елистратов.....	125
Дети войны.....	125
Неизвестный поэт из лагеря Заксенхаузен.....	126
"Незабываемое".....	126
Земля, политая кровью.....	127
Об этом не должны забывать.....	128
Держимся вместе.....	130

При описании концлагерей Озаричи, Освенцима, Саласпилса использована литература:

«Саласпилский лагерь смерти», *Рига, 1969 год.*

«Основные проблемы истории концлагеря в Освенциме», *1977 год.*

«Хатынь» - путеводитель по мемориальному комплексу.

В книге использованы также материалы «Лужской Правды».

Подписано в печать 07.08.09 г.

Бумага офсет 70 г/м

Заказ 143 т. 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета в
ООО «Центр информационных технологий»

Данная электронная версия книги загружена с сайта www.infoluga.ru
Отличия от печатной версии: на стр. 6, 38, 88, 95 и 117 фотографии цветные;
на стр. 90 исправлена опечатка с «На 59-м году» на «На 52-м году».